

Источник: Двенадцатая ночь или как вам угодно. Пер. П. И. Вейнберга. С предисловием А. Г. Горнфельда // Шекспир В. Полное собрание сочинений / Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1903. Т. 2. С. 498-554.

ДВѢНАДЦАТАЯ НОЧЬ

ИЛИ

КАКЪ ВАМЪ УГОДНО
КОМЕДІА ВЪ V ДѢЙСТВІЯХЪ
ПЕРЕВОДЪ П. И. ВЕЙНБЕРГА
СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ
А. Г. ГОРНФЕЛЬДА

498

Двѣнадцатая ночь или Какъ вамъ угодно.
(Twelfth night; or What you will).

Въ замѣткахъ Гете къ «Западно–Восточному Дивану» сохранились цѣнныя строки, представляющія собою столько же самонаблюденіе великаго поэта, сколько разсужденіе глубокаго мышленія о сущности поэтическаго творчества.

«Размышленія поэта – говоритъ Гете – относятся собственно только къ формѣ; сюжеты предоставляетъ ему жизнь слишкомъ щедрою рукою; содержаніе само бьетъ изъ полноты его внутренняго міра; внѣ сознанія встрѣчаются они, – такъ что въ концѣ концовъ не знаешь, кому-же принадлежать эти богатства».

«Но форма, хотя она во всей полнотѣ уже присуща генію, требуетъ познанія, требуетъ мысли; и именно думать надо для того, чтобы пригнать форму, сюжетъ и содержаніе другъ къ другу, чтобы они слились въ одно цѣлое, проникли другъ друга».

«Поэтъ стоитъ слишкомъ высоко, чтобы принять чью нибудь сторону. Веселость и сознательность – вотъ прекрасные дары, за которые онъ благодаритъ создателя: сознательность для того, чтобы не отступить предъ страшнымъ, веселость для того, чтобы сдѣлать изображеніе всего радостнымъ».

Вотъ вся Шекспировская поэтика; можно подумать, что Гете, набрасывая эту сжатую и полную содержанія теорію творчества, думалъ о томъ великомъ прообразѣ, предъ которымъ онъ преклонялся съ сознательнымъ благоговѣніемъ. Въ этомъ опредѣленіи той доли, которую всякій – и величайшій – поэтъ вкладываетъ въ свое созданіе, и того сложнаго настроенія,

которымъ обусловлена сложность произведенія есть, конечно, элементы, которые удобнѣ сопоставить съ иными произведеніями Шекспира. Но въ немъ есть подробности, невольно приходящія на умъ, занятый мыслью о томъ прекрасномъ созданіи великаго поэта Англіи, которое, скрывшись въ скромной тѣни, бросаемой на него сверкающей славой другихъ

499

произведеній Шекспира, однако не однимъ критикомъ признается перломъ среди шекспировыхъ комедій.

Форма, сюжетъ, содержаніе: что дѣлаетъ перломъ комедію «Какъ Вамъ угодно» или «Двѣнадцатая ночь»? Что въ нихъ принадлежитъ тѣмъ незамѣтнымъ произведеніямъ, которыя прославилъ Шекспиръ своимъ заимствованіемъ, и что онъ вложилъ въ нихъ своего, что создалъ въ предѣлахъ усвоеннаго?

Источники, изъ которыхъ Шекспиръ могъ почерпнуть интригу, положенную въ основаніе пьесы, и нѣкоторыя подробности ея разработки довольно разнообразны въ деталяхъ, но сходны въ основѣ сюжета. Нѣкоторые изъ нихъ указывалъ еще современникъ поэта Мэннингемъ, любопытный дневникъ котораго даетъ намъ опорныя точки для сужденія о времени созданія комедіи. Но и они не могутъ считаться первоначальными; въ рукахъ Шекспира, несомнѣнно, была также позднѣйшая переработка того же сюжета. Мэннингемъ отмѣчаетъ сходство съ «Менехмами» Плавта и итальянской пьесой “Inganni”; онъ упоминаетъ также о «Комедіи ошибокъ», гдѣ мы, какъ извѣстно, также встрѣчаемъ интригу, основанную на смѣшеніи двухъ лицъ, – правда, одного пола. Такая исторія рассказана еще въ «Неистовомъ Роландѣ» Аріосто, гдѣ Рикардеть, выдавъ себя за свою сестру Брадаманту, обманываетъ испанскую принцессу Флордестину. Итальянскіе новеллисты и драматурги неоднократно обрабатывали и варіировали этотъ сюжетъ. Первой такой обработкой является новелла Маттео Банделло (1480-1560), тридцать шестая во второй части его сборника изъ двухсотъ четырнадцати рассказовъ. Въ основаніе новеллы положена исторія о братѣ и сестрѣ – близнецахъ, настолько похожихъ другъ на друга, что ихъ невозможно было различить. Взятый въ плѣнъ испанско-нѣмецкими войсками при взятіи Рима въ 1527 году, братъ, Паоло, увезенъ въ Германію; сестра Никуола полюбила нѣкоего Латтанціо, который обѣщалъ жениться на ней, но, полюбивъ другую, отказался отъ Никуолы; тогда она переодѣвшись пажомъ, поступила къ нему въ услуженіе, чтобы быть хоть поближе къ любимому человѣку. Онъ не только не узналъ ея, но считалъ новаго слугу своимъ любимцемъ и посылалъ его къ своей возлюбленной Кателлѣ, которая, однако, воспылавъ страстью къ красивому мальчику, отвергла любовь Латтанціо, чтобы выйти замужъ за его пажа. Неожиданное возвращеніе Паоло изъ плѣна разрѣшаетъ запутанное положеніе: Кателла, встрѣтивъ его случайно, вступаетъ съ нимъ въ бракъ, а Латтанціо, тронутый вѣрностью Никуолы, женится на ней. Этотъ рассказъ Банделло былъ источникомъ многихъ

передѣлокъ; отдѣльно отъ него стоитъ комедія Николо Секки “Inganni” («Обманы»), дѣйствіе которой отнесено къ 1547 году; древнѣйшее итальянское изданіе, извѣстное намъ, появилось въ 1562 г.; французская передѣлка («Les Tromperies») въ 1611 г. Въ комедіи Секки братъ и сестра, дѣти-близнецы генуэзскаго купца Ансельмо, который проводилъ съ ними всю жизнь на морѣ, взяты въ плѣнъ корсарами; дѣвочка Джиневра – подъ видомъ юноши Роберто – попала въ услуженіе въ Неаполь къ Массимо Караччоли, дочь котораго Порція полюбила красиваго слугу, а сынъ Констанцо любитъ нѣкую Доротею. Но Джиневра въ благосклонности Порціи замѣняетъ себя братомъ; а Констанцо, узнавъ, что она дѣвушка, переноситъ свою любовь на нее. Въ заключеніе пьесы дѣти находятъ своего отца, который успѣлъ разбогатѣть и избавиться отъ рабства. Здѣсь нѣтъ слѣдовъ вліянія Банделло; но, несомнѣнно, его сюжетъ лежитъ въ основѣ комедіи “Gl’ Ingannati”, напечатанной въ 1537 году въ Венеціи и принадлежащей неизвѣстному члену сіенской “Academia degli Intronati”. Здѣсь мы встрѣчаемъ имена Фабіана и Малевольти, повторенныя у Шекспира; только послѣднее имя перешло въ Мальволио.

Простое сличеніе пьесы Шекспира съ ея итальянскимъ первообразомъ, по заключенію Н. И. Стороженко, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что Шекспиръ пользовался комедіей “Gl’ Ingannati”. «Вотъ какъ передаетъ Гонтеръ содержаніе итальянской пьесы: Фабриціо и сестра его Лелія (Віола и Себастьянъ у Шекспира) разлучены другъ съ другомъ во время разграбленія Рима въ 1527 г. Лелія бѣжитъ въ Модену, гдѣ, переодѣвшись мальчикомъ, поступаетъ на службу къ синьору Фламиніо (герцогъ у Шекспира), котораго она знала раньше, горячо любила и была даже увѣрена въ его взаимности. Фламиніо между тѣмъ, давно уже успѣвшій позабыть ее, добивается любви одной знатной моденской дамы (Оливія у Шекспира) и дѣлаетъ молодую дѣвушку повѣренной и посредницей своей любви, посылаетъ черезъ нее стихи, подарки и т. д. Но гордая моденская красавица

500

остається нечувствительной къ исканіямъ Фламиніо и сама влюбляется въ переодѣтую въ мужское платье Лелію. Въ третьемъ актѣ братъ Леліи, Фабриціо, появляется въ Моденѣ; поразительное сходство его съ сестрой подаетъ поводъ къ забавнымъ *qui pro quo*, пока все не оканчивается къ общему удовольствію, какъ въ комедіи Шекспира: Изабелла легко переноситъ свои симпатіи съ сестры на брата, а Фламиніо, оцѣнивъ вѣрную любовь Леліи, предлагаетъ ей руку и сердце». Въ другой пьесѣ со сходнымъ заглавіемъ “Gl’ Inganni” Курціо Гонзаги (1592) переодѣтая дѣвушка, какъ и Віола у Шекспира, принимаетъ имя Чезаре (Цезаріо).

Разсказъ Банделло сталъ извѣстенъ во Франціи по переводу въ “Histoires tragiques” Бельфореста (1580); важнѣе однако то, что онъ былъ переданъ также во «Влюбленной Діанѣ», романѣ испанца Монтемайора, откуда Шекспиръ заимствовалъ сюжетъ «Двухъ веронцевъ». Вѣроятно, была ему равнымъ образомъ извѣстна и новелла другого рассказчика, Чинтіо, такъ какъ только

здѣсь дѣйствіе происходитъ въ Иллиріи и начинается съ кораблекрушенія. Надо, однако, сказать, что и нѣкоторые изъ указанныхъ драматическихъ произведеній, и новелла Чинтіо, легли уже въ основу одного англійскаго разсказа, вышедшаго въ свѣтъ почти за двадцать лѣтъ до созданія «Двѣнадцатой ночи». Въ 1581 году отставной офицеръ Барнэби Ричъ издалъ сборникъ изъ восьми почерпнутыхъ въ романскихъ литературахъ новеллъ подъ оригинальнымъ заглавіемъ: «Прощаніе Рича съ военнымъ ремесломъ, содержащее весьма забавныя исторіи для мирнаго времени. Составлено единственно для развлеченія благородныхъ дамъ Англіи и Ирландіи»⁵). Второй разсказъ въ сборникѣ Рича носитъ названіе «Герцогъ Аполлоній и Силла». Аполлоній, герцогъ Греціи, разсказывается здѣсь, - по пути съ турецкой войны, попалъ, вслѣдствіе кораблекрушенія, на островъ Кипръ, гдѣ гостепріимно принятъ намѣстникомъ герцогомъ Понтусомъ. У Понтуса двое дѣтей – сынъ Сильвіо, уже давно отправившійся на войну въ Африку, и дочь Силла, – въ которой внезапно вспыхиваетъ столь пламенная любовь къ герцогу Аполлонію, что когда онъ возвращается на родину въ Константинополь, она слѣдуетъ за нимъ въ сопровожденіи одного лишь вѣрнаго слуги. Боясь оскорбленій и преслѣдованій, она переодѣлась мужчиной и принимаетъ имя брата – Сильвіо. Добравшись до Константинополя, она является къ герцогу съ просьбой принять ее въ число его слугъ, и ея красота помогаетъ ей добиться этого. Счастливая близостью къ любимому человѣку, она старается быть всегда подлѣ него; она такъ внимательна и услужлива, что онъ дѣлаетъ ее своимъ камердинеромъ, позволяетъ ей не отлучаться отъ него, раздѣвать его, убирать его комнату и т. п. Понемногу мнимый Сильвіо становится ближайшимъ довѣреннымъ лицомъ и любимцемъ герцога, который въ это время страстно влюбленъ въ знатную, богатую и необычайно прекрасную вдову по имени Джулина. Но никакія воздыханія, нѣжности, любовныя письма и подарки не могутъ склонить ея сердце къ несчастному герцогу, который, наконецъ, рѣшается отправить къ ней любовнымъ посломъ своего вѣрнаго Сильвіо. Какъ ни мучительно это порученіе для бѣдной Силлы, которой приходится стараться о разрушеніи своихъ надеждъ, она забываетъ свои терзанія и со всей искренностью пытается добыть руку прекрасной вдовы своему повелителю. Но Джулина вдругъ поражена пламенной любовью къ прелестному послу и повергаетъ его въ немалое замѣшательство, въ одинъ прекрасный день, объявивъ ему, что онъ можетъ молчать о своемъ хозяинѣ и просить ея руки для себя. Между тѣмъ настоящій Сильвіо, братъ Силлы, возвратившись послѣ долгаго отсутствія на Кипръ, узналъ о бѣгствѣ сестры, и прежде всего заподозрилъ исчезнувашаго съ ней слугу. Горячо любя свою сестру, онъ даетъ обѣтъ не успокоиться, пока онъ не найдетъ ее и не накажетъ низкаго соблазнителя. Долго ищетъ Сильвіо сестру, пока въ своихъ скитаніяхъ попадаетъ въ Константинополь. Однажды вечеромъ на прогулкѣ въ окрестностяхъ города онъ встрѣчаетъ Джулину, которая, принявъ его за Силлу, подзываетъ его къ себѣ и проситъ проводить ее. Сильвіо пораженъ тѣмъ, что незнакомая дама назвала его по имени въ городѣ, гдѣ его никто не знаетъ, но

еще болѣе поражаетъ его то, что онъ слышитъ изъ устъ красавицы. Она мягко упрекаетъ его въ небрежности; онъ начинаетъ понимать, что его принимаютъ за кого то другого,

501

но, конечно, думаетъ онъ, было бы нелѣпо отказываться отъ этой игры счастья – и онъ проситъ прекрасную незнакомку простить ему его прежнее поведеніе; онъ одумался – и готовъ служить ей. Дальнѣйшія перипетіи разсказа, весьма многообразныя и довольно растянутыя, совпадаютъ съ ходомъ «Двѣнадцатой ночи» и такъ же благополучно заканчиваются двойной свадьбой.

Таковъ ничтожный, мертвенный и пустой осто́въ, обращенный Шекспиромъ въ живой и самостоятельный организмъ художественнаго произведенія. Даже при поверхностномъ знакомствѣ съ комедіей мы видимъ, какъ разнообразны, цѣлесообразны и художественно логичны были измѣненія и новыя подробности, внесенныя имъ въ пьесу. Онъ упростилъ фабулу, выбросивъ изъ нея замедляющія дѣйствіе постороннія детали неуклюжаго разсказа стариннаго новеллиста; онъ усложнилъ ее, сплетя съ ней новыя драматическіе эпизоды, введя новыхъ дѣйствующихъ лицъ съ ихъ самостоятельной жизнью, идущей рядомъ съ развитіемъ основного дѣйствія; и все же въ общемъ онъ сгустилъ дѣйствіе, стянувъ въ одно стройное цѣлое его расплывчатую массу, и рѣзко выставивъ на первый планъ главные его мотивы. Но перестроить художественное произведеніе не значило бы еще оживить его, а Шекспиръ вдохнулъ въ него душу живую. Онъ перенесъ интересъ отъ фабулы къ лицамъ, онъ заинтересовалъ насъ не исходомъ запутаннаго положенія, но судьбою вовлеченныхъ въ него живыхъ и яркихъ людей, которыхъ мы хорошо узнали и къ которымъ такъ быстро и такой чудесной силой почувствовали себя близкими. Кто для читателя эти Силла и Никуола, Лелія и Джиневра источниковъ, изъ которыхъ вышла прелестная Віола «Двѣнадцатой ночи»? Безтѣлесные схематическіе образы, не внушающіе намъ разумѣется ни тѣни того дѣятельнаго и глубокаго сочувствія, которое съ перваго же знакомства сковываетъ насъ съ героиней Шекспира. И это не потому, что она прелестна, но потому, что она жизненна. Высоты творчества не въ созданіи сюжетовъ – ихъ, какъ сказали мы словами Гете въ самомъ началѣ, жизнь даетъ такъ много, что ихъ не стоитъ даже выдумывать, можно взять въ любомъ беллетристическомъ произведеніи. Творчество есть приданіе формы этому матеріалу: созданіе тѣхъ живыхъ индивидуальностей, которыя его воплощаютъ извнѣ и мотивируютъ изнутри, созданіе того настроенія, которое сообщаетъ намъ – то есть заставляетъ насъ вложить въ произведеніе – его высшій нравственно-философскій смыслъ.

И если можно спорить о томъ, былъ ли Шекспиръ великимъ индивидуалистомъ, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, онъ былъ величайшимъ индивидуализаторомъ. Не на тѣхъ вѣковѣчныхъ образахъ, которые составили его славу, это проявляется съ особенной глубиной. И до Лира, Гамлета, лэди Макбетъ драматическая поэзія – поэзія личности по преимуществу – знала

чеканныя изваянія Антигоны, Эдипа, Медеи, дышашіе всей полнотою душевнаго своеобразія, присущаго живой личности. Но громадное большинство дѣйствующихъ лицъ древней драмы есть именно большинство – сѣрая масса, запечатлѣнная не своимъ личнымъ, а групповымъ характеромъ: они могли бы, не теряя ничего изъ своего личнаго душевнаго достоянія, слиться съ хоромъ. Лишь у Шекспира эту оригинальность оригинальной окраски получаютъ тѣ незамѣтные, случайные дѣятели драмы, мимо которыхъ проходили его предшественники. Во всемірной литературѣ это первый большой поэтъ, для котораго – говоря словами Ницше – *jeder Mensch ist ein einmaliges Wunder* - всякій человѣкъ есть нѣчто неповторяемое – «однократное чудо». Этотъ «анализъ безконечно малыхъ» сообщаетъ каждой пьесѣ Шекспира то невыразимое вѣяніе жизни, которымъ онѣ проникнуты. И съ этой точки зрѣнія второстепенные персонажи такой, напримѣръ, пьесы, какъ «Двѣнадцатая ночь», пожалуй, любопытнѣе болѣе крупныхъ фигуръ. *Болѣе* крупныхъ – только сравнительно. Ибо дѣйствительно большихъ фигуръ, могучихъ если не душевными силами, то глубиною внутреннихъ переживаній, эта комедія не знаетъ. Точно прозрачная акварель, она ярка безъ глубокихъ тоновъ и рѣзкихъ контрастовъ. И ей придаетъ особенную привлекательность эта жизненность всѣхъ безъ исключенія дѣйствующихъ лицъ, вполне соответствующая тому пульсу жизни, который такъ энергично бьется во всей пьесѣ.

Для примѣра остановимся сперва на мгновеніе на самомъ эпизодическомъ лицѣ – на морякѣ Антоніо; его участіе въ движеніи пьесы незначительно. Онъ появляется всего три-четыре раза, а между тѣмъ какъ ясна и рельефна его мужественная фигура, отмѣченная слѣдами всѣхъ непогодъ и опасностей его ремесла, въ которомъ въ ту эпоху борьба съ стихіей сливалась съ настоящей войной съ людьми. Скромный и

502

самоотверженный, онъ такъ грубоватъ во внѣшности, но безконечно чутокъ и ласковъ къ бездомному юношѣ, котораго узналъ и полюбилъ въ своемъ одинокомъ скитальчествѣ. Изъ лицъ, введенныхъ въ пьесу Шекспиромъ, это единственное симпатичное. Отчасти только близокъ къ нему шутъ – быть можетъ, послѣ шута въ «Лирѣ», лучший представитель этого ремесла у Шекспира. Онъ не глубоокъ, и не самоотверженъ, не читаетъ морали и не язвитъ за ея нарушенія; онъ просто добрый малый, простой, безконечно веселый, немножко себѣ на умѣ и потому охотно приспособляющійся къ обстоятельствамъ. Груститъ герцогъ Орсино, – онъ споетъ ему грустную народную пѣсенку о гордой красавицѣ и печальной могилѣ влюбленнаго; веселятся сэръ Тоби съ Андреемъ, – онъ найдетъ въ своемъ запасѣ безшабашно-жизнерадостные напѣвы; задумалась его хозяйка, – онъ постарается развлечь ее острымъ словомъ: для того его держать. Въ шуткѣ надъ нелѣпымъ Мальволио онъ приметъ самое дѣятельное участіе, и онъ закончитъ пьесу, приплясывая и припѣвая, обѣщая зрителямъ «стараться угождать имъ и впредь», и своей

беззаботной пѣсенкой вкладывая въ комедію широкое содержаніе, какъ бы переводя мысль зрителей отъ узкаго міра сцены къ безконечному міру жизни. Не сэръ Тоби, а онъ составилъ бы подходящую пару къ Маріи, ловкой и бойкой горничной графини Оливіи. «Ищейка лучшей крови» – это названіе, брошенное сэромъ Тоби, хорошо подходитъ къ ней; у нея вмѣсто настоящаго ума чутье, которое выведетъ ее, куда ей надо. Изъ субретки эта маленькая плутовка – «пиголица», какъ называетъ ее Тоби – становится родственницей хозяйки, женой полу-почтеннаго сэра Тоби, котораго привела въ восторгъ своей продѣлкой надъ Мальволіо. Этотъ Мальволіо былъ нѣкоторыми комментаторами сдѣланъ даже носителемъ идеи, которую Шекспиръ будто бы проводилъ въ своей пьесѣ; этого надутаго и самомнительнаго дурака Марія называетъ «чѣмъ то вродѣ пуританина» – и потому въ пьесѣ видѣли грязную насмѣшку надъ популярнымъ религіознымъ толкомъ, прямолинейная мораль котораго такъ мало согласна съ духомъ беззаботнаго наслажденія жизнью, господствующимъ въ пьесѣ. Но Мальволіо совсѣмъ не пуританинъ – онъ лицемѣръ, какіе есть вездѣ, и наши переводчики совершенно основательно переводятъ въ этомъ мѣстѣ выраженіе *a kind of puritan* словами «оглашенный» (Соколовскій) или даже «раскольникъ» (Кронебергъ). Онъ «проповѣдуетъ вино, а самъ пьетъ воду» и мечтаетъ быть графомъ Мальволіо, – «сiju въ великолѣпномъ креслѣ, сзываю вокругъ себя моихъ подчиненныхъ, сiju въ бархатномъ цвѣтистомъ халатѣ, только что вставъ съ постели, гдѣ оставилъ Оливію спящей». Въ сущности, онъ не такъ глупъ – дуракомъ сдѣлало его невыносимое лакейское высокомѣріе и самомнѣніе – на эту удочку его и поймали. Его прѣсная мораль терпитъ пораженіе не потому, что она ложна, но потому, что такой проповѣдникъ дѣлаетъ ее ложной. Это прямая противоположность, на примѣръ, шуту, который хорошо опредѣляетъ ихъ различіе извѣстной репликой: «Недаромъ сказалъ Квинапаль, что умный дуракъ лучше глупаго мудреца»; это сухое, нестибающееся существо, отрѣзанное отъ міра нераздѣльнымъ вниманіемъ къ себѣ. За все теченіе пьесы онъ не проявляетъ ни тѣни пониманія того, что дѣлается въ другихъ – вотъ что наиболѣе невыносимо въ немъ. Онъ громитъ только то, что ему не нужно – смѣхъ, пѣсни, вино, и смѣсь эгоизма съ реторическимъ самодовольствомъ – таковъ источникъ всей его коротенькой жизненной философіи, на Прокрустовомъ ложѣ которой умѣщается только надутая и ничтожная фигурка самого Мальволіо. Окружающіе знаютъ ему цѣну. «Не пуританинъ онъ – чтобъ его нелегкая взяла – и ничего постояннаго въ немъ нѣтъ. Онъ просто флюгеръ, что ходитъ за вѣтромъ, осель, который выучилъ высокопарныя рѣчи и сыплеть ихъ пригоршнями», говоритъ о немъ Марія; «надутый индюкъ», называетъ его Фабіанъ; но лучше всѣхъ опрѣдѣляетъ его сама Оливія, его милая хозяйка, когда въ отвѣтъ на его грубыя нападки на шута, она снисходительно, но ѣдко замѣчаетъ: «О, Мальволіо, – ты слишкомъ самолюбивъ, и потому все преувеличиваешь. Порядочные люди умѣютъ раскусить шутку и не будутъ принимать булабочные уколы за пушечныя ядра, какъ это дѣлаешь ты. Веселое балагурство шута не злословіе, точно такъ же какъ сухое резонерство

воображающего себя умником не нравственность». Этим приговором Мальволио осужден задолго до того, как его свели с ума веселые домочадцы графини Оливии с задорной Марией во главе. Среди этих домочадцев главную роль играет почтенный дядюшка хозяйки, великолѣпный сэръ Тоби Бэльчъ – второй Фальстафъ,

503

равный своему прообразу по толщинѣ, распутству и наглости и немногимъ ему уступающій въ веселомъ остроуміи. Подобно Фальстафу, онъ имѣетъ нѣчто симпатичное, несмотря на свои пороки; сказать о немъ только, что онъ пьяница и распутникъ, значитъ осудить его, не понявъ. Безшабашный гуляка и питухъ, онъ гнусенъ, но забавенъ; его жизненная философія эмансипировала его отъ всякой морали, но онъ и отъ другихъ ничего не требуетъ. И потому его выгодно отличаетъ отъ Мальволио полная гармонія между его свинской моралью и его свинскимъ поведеніемъ. Бездѣльникъ и прихлебатель, онъ полонъ здраваго смысла, которому даетъ выраженіе въ насмѣшливомъ, но не злобномъ словечкѣ. Веселое общество вокругъ доброй бутылки вина, ловкая продѣлка, мѣткое словечко – вотъ что онъ цѣнитъ въ жизни, и нужно лишь припомнить его захватывающій восторгъ по поводу выдумки Маріи, чтобы оцѣнить въ немъ настоящаго поэта и цѣнителя веселой жизни. «Я твой – кричитъ онъ проказницѣ – топчи меня ногами! Хочешь, проиграю мою свободу въ триктракъ и сдѣлаюсь твоимъ рабомъ на вѣки вѣчны!» И толстый рыцарь женится на плутовкѣ горничной, – ужъ очень по душѣ ему этотъ «чертенокъ въ юбкѣ». Весьма вѣроятно, что въ положеніи мужа этой находчивой и здравомыслящей особы онъ вынужденъ будетъ отказаться отъ многого, что было ему такъ мило въ его холостой жизни. Но его неизмѣнный почитатель, сэръ Андрей Эгчикъ – въ точномъ переводѣ Блѣднощекъ (у нѣмцевъ Bleichenwang) – вѣрно останется при немъ. Это ничтожное существо, трусь, фанфаронъ, идіотъ и фатъ – одно изъ лучшихъ созданій комической сцены. Трудно представить себѣ что либо болѣе забавное, чѣмъ фигура, ухватки и словечки этого тупоумнаго спортсмена. Тощій, длинный, безкровный, онъ представляетъ собою полную противоположность своему другу и образцу, упитанному, здравомыслящему и полному жизни сэру Тоби. Но онъ подражаетъ ему въ мелочахъ – и изъ этого несоотвѣтствія брызжетъ цѣлый каскадъ невыразимо комичныхъ сценъ и словечекъ. Тоби знаетъ свое мѣсто и попросту женится на субреткѣ; Андрей мечтаетъ объ Оливии и не только мечтаетъ, а даже чувствуетъ нѣкоторыя права на нее. Въ этомъ, впрочемъ, виноватъ сэръ Тоби, который внушаетъ Андрею самомнѣніе – быть можетъ, чтобы имѣть больше поводовъ издѣваться надъ несчастнымъ «вислоухимъ балбесомъ», какъ его называетъ Марія. Вообще-же самомнѣніе Андрея не велико: онъ знаетъ, что «убилъ все время на танцы, фехтованіе и охоту» и только въ этихъ искусствахъ чувствуетъ себя сильнымъ. «Мнѣ кажется, что я иногда не умнѣ самага обыкновеннаго человѣка. Но я ѣмъ много говядины –

это вредить моему уму»; съ этимъ прекраснымъ признаніемъ можетъ сравниться лишь знаменитая сцена между Тоби и Андреемъ, едва ли превзойденная кѣмъ нибудь по комической характеристикѣ наивной безличности (д. II, сцена 4). Покорное «я тоже» – таковъ единственный смыслъ всѣхъ разнообразныхъ репликъ Андрея, увѣнчиваемыхъ безсмертнымъ воспоминаніемъ: Тоби говорить, что Марія обожаетъ его. «*И меня тоже одинъ разъ обожали*», – присовокупляетъ его неутомимый почитатель. Сэръ Андрей въ качествѣ объекта женскаго обожанія – вотъ положеніе, полное непередаваемого комизма для всѣхъ, кто знаетъ этого недоросля и раззяву.

Эпизодическія лица, почти не участвующія въ дѣйствіи, вродѣ слуги Оливіи Фабіана и придворныхъ герцога Валентина и Куріо, заканчиваютъ группу персонажей, введенныхъ въ пьесу Шекспиромъ. Въ общемъ именно вновь созданныя лица и являются носителями реалистически комическаго элемента пьесы. Шекспиръ не нашелъ его въ своихъ источникахъ и не сдѣлалъ смѣшными главныхъ героевъ комедіи, которыхъ онъ нашелъ въ источникахъ. Наоборотъ, онъ исполнилъ ихъ того благородства, которое въ художественномъ произведеніи не достигается никакими пространными исчисленіями высшихъ добродѣтелей, но дается лишь совокупностью незамѣтныхъ мельчайшихъ подробностей и оттѣнковъ, слагающихся въ живой образъ. Наименьшее преобразование въ этомъ смыслѣ потерпѣлъ Себастьянъ, братъ Віолы, достаточно опредѣленный въ «Двѣнадцатой ночи», но едва-ли многимъ отличающихся отъ своихъ прообразовъ – Паоло и Фабриціо, Констанцо и Сильвіо. Но и въ немъ замѣтны черты, возвышающія его образъ. Безконечно чужды ему какъ скверное подозрѣніе противъ Віолы, которое зарождается въ Сильвіо (въ разсказѣ Рича), такъ и холодная расчетливость, съ которой Сильвіо соглашается на предложеніе Джулины. Себастьянъ такъ же внезапно пораженъ любовью, какъ и Віола. «Цѣпенѣя,

504

безъ всякаго противодѣйствія, падаетъ онъ въ чудную сѣть, которою его опуталъ случай, – говоритъ Боденштедтъ; – его восхищеніе слишкомъ свѣжо и молодо, чтобы онъ могъ одуматься и дѣйствовать разсудительно. Чистый и беззаботный, добрый и смѣлый юноша, онъ принимаетъ нежданно упавшее ему съ неба счастье любви лишь съ слабой тѣнью сомнѣній, среди которыхъ нѣтъ дурной мысли; пораженный и невинный, онъ принимаетъ это счастье, какъ чудо». Дѣятельный и самостоятельный въ другихъ обстоятельствахъ взывающихъ къ его мужественной натурѣ – напимѣръ, въ столкновеніи съ Андреемъ, – онъ здѣсь пассивенъ. Активная роль выпала на долю дѣвушки – Оливіи. Она, конечно, имѣетъ мало общаго съ «богатой вдовой» Джулиной (въ разсказѣ Рича), которая, встрѣтивъ на прогулкѣ знакомаго красиваго юношу, настойчиво упрекаетъ его въ недоступности; еще меньше съ Изабеллой (въ “Gl’ Ingannati”), Доротеей (въ “Inganni”) и особенно съ Кателлой (въ новеллѣ Банделло), которая успѣла уже быть возлюбленной Латтанціо: такой особой не увлекся бы Орсино, она не увлеклась бы переодѣтой Віолой и

не годится въ жены Себастіану. Оливія не дѣвочка, но пожаръ любви, внезапно и непреодолимо охватившій ее, не лишаетъ ее чаръ нѣжной женственности и чистоты, несмотря на слишкомъ дѣятельное отношеніе къ любви, которое ей пришлось выказать. Она почти равна по положенію герцогу Орсино: она богата и самостоятельна и стоитъ во главѣ владѣтельнаго дома; это необычное для молодой дѣвушки положеніе могло легко породить въ ней не только самостоятельность тамъ, гдѣ дѣвическая скромность повелѣвала бы иное поведеніе, но и нѣкоторую неуравновѣшенность, въ силу которой Оливія легко преувеличиваетъ значеніе своихъ переживаній. Потерявъ брата, она съ неумѣренной демонстративностью предается горю, скрывая лицо, обращаясь въ затворницу, отказываясь отъ любви и собираясь всю жизнь посвятить памяти усопшаго. Но вѣяніе жизни, представшее предъ ней въ видѣ настоящей страсти, сметаетъ, какъ легкую пыль, всѣ ея тягостные обѣты, сокрушивъ ея дѣвичью гордость. Но любовь сильнѣе пустого каприза; страсть исторгла у нея роковое слово, и лишь когда оно уже сказано, прекрасная душа Оливіи становится ареной борьбы. «Ужели такъ скоро въ кровь проникнуть можетъ ядъ?» – съ недоумѣніемъ спрашиваетъ она себя послѣ первой встрѣчи съ Віолой; она какъ будто плыветъ по теченію. «Свершай судьба – мы не имѣемъ воли». И она ужъ сравниваетъ себя съ безумнымъ Мальволио. Но когда судьба, рѣшая за нее, приводитъ ее къ счастливому исходу, мы не согласимся съ нею: въ основѣ ея «безуміа» лежало, очевидно, безсознательное избирательное сродство: ее влекло не только къ личности, но къ представителю рода; она нашла его сперва въ Віолѣ, но то, что было нелѣпо въ любви дѣвушки къ дѣвушкѣ, получаетъ полное оправданіе и естественное завершеніе въ ея любви къ молодому человѣку. Не мудрено, что избранникомъ ея не оказался герцогъ Орсино: онъ слишкомъ близокъ къ ней, чтобы внушить ей любовь. Онъ такъ же прихотливъ, какъ она, но его безбрежная и симпатичная фантастика не только порожденіе капризнаго своеволія, но цѣлая философія любви. Она раскрывается цѣликомъ въ первомъ монологѣ Орсино, дающемъ также сразу выпуклое изображеніе его характера и настроенія. Любовь многообразна и пестра, но лишь въ ней сливается душевное влеченіе и полетъ прихотливой фантазіи, и потому лишь она одна есть нѣчто «высоко-фантастическое». И комментаторы внимательно останавливаются на томъ емкомъ словѣ, которое герцогъ Орсино употребляетъ для обозначенія понятія любви; это *fancy* – столько же любовная склонность, сколько продуктъ мечты. Этой призрачной любовью обуянъ Орсино, мягкій, задушевный, но не очень глубокий и потому обвѣянный легкимъ дыханіемъ ироніи автора. Это, конечно, не насмѣшка Рича, который подчасъ просто издѣвается надъ прихотью своего Аполлонія, думавшаго побѣдить Джулину «цѣпочками, браслетами, брошками, кольцами, геммами, драгоценностями и ужъ не знаю чѣмъ»; и Шекспиръ во всякомъ случаѣ не сдѣлалъ бы, подобно Банделло, обманщикомъ, нарушившимъ обѣщаніе, мужчину, который долженъ привлечь сердце его чистой героини. Эта героиня – по истинѣ лучшая жемчужина комедіи.

Даже въ обширной галлерей чудныхъ женскихъ образовъ, сотканныхъ Шекспиромъ изъ свѣта и ласки, фигура Віолы выдѣляется душевнымъ изяществомъ. Чтобы дать ея характеристику, Гейне съ полнымъ правомъ и глубокимъ тактомъ не прибавилъ ни слова къ ея безконечно трогательному полу-признанію въ безнадежной

505

любви (дѣйствіе II, сцена IV). Она говоритъ, какъ будто о сестрѣ:

Имѣлъ отецъ мой дочь; она любила
Какъ, можетъ быть, и я любилъ-бы васъ,
Когда-бы слабой женщиной я былъ.

Герцогъ.

А жизнь ея?

Віола.

Пустой листокъ, мой государь:

Она ни слова о своей любви
Не проронила, тайну берегла,
И тайна, какъ червякъ, сокрытый въ почкѣ,
Питалась пурпуромъ ея ланить.
Задумчива, блѣдна, въ тоскѣ глубокой,
Какъ Геній христіанскаго терпѣнья,
Изсѣченный на камнѣ гробовомъ,
Она съ улыбкою глядѣла на тоску –
Иль это не любовь?...

Герцогъ.

Сестра твоя скончалась отъ любви?

Віола.

Я – вотъ всѣ дочери и сыновья
Изъ дома моего отца...

Милая дѣвушка какъ будто и не предвидитъ возможности иного исхода, кромѣ печальной кончины отъ нераздѣленной любви. И въ мужскомъ платьѣ, она связана природой своего пола – и если въ описаніи своей любви предъ Оливіей она изображаетъ иное, болѣе мужественное поведеніе влюбленного, – не трудно и въ этихъ энергичныхъ для нея пріемахъ замѣтить женственную мягкость, которая умѣетъ взывать лишь къ жалости:

У вашего порога

Я выстроилъ бы хижину изъ ивы,
Взывалъ бы день и ночь къ моей царицѣ,
Писалъ бы пѣсни о своей любви

И громко пѣлъ бы ихъ въ тиши ночей;
По холмамъ пронеслось бы ваше имя,
И эхо повторило бъ по горамъ:
«Оливія!» Вамъ не было бъ покоя
Межъ небомъ и землею, пока бы жалость
Не овладѣла вашею душой.

Безконечно чужда ей смѣлая настойчивость ея прообраза, Силлы, которая отважно ринулась въ опасное скитаніе вслѣдъ любимому человѣку. Віола не ищетъ любви – она переодѣвается, чтобы избѣжать ея опасностей – и случайно попадаетъ въ ея оковы. Она добра и ласкова, благородна и самоотверженна. Чудесной мягкостью дышитъ ея сочувствіе къ ея подругѣ по несчастію, въ которомъ она отчасти виновата, – къ Оливіи, влюбившейся въ нее, по убежденію Віолы, еще болѣе безнадежно, чѣмъ она любитъ герцога Орсино. «Бѣдное чудище», – съ печальной усмѣшкой называетъ она себя: юношу для мужчины, котораго она любитъ, дѣвушку для женщины, которая имѣла несчастіе полюбить ее. Непреодолимая случайности и неразрѣшимая противорѣчія жизни встали грозной загадкой предъ милой дѣвушкой на первыхъ шагахъ ея невольной самостоятельности, – да еще въ самой тягостной формѣ: втянувъ въ свой роковой круговоротъ чувствительнѣйшія струны ея существа и самые роковые моменты ея личной судьбы, жизненная загадка дала ей лишь сознаніе отвѣтственности, но не дала мужскихъ силъ нести ее. И она можетъ лишь покорно сознаться въ своемъ безсиліи:

Ты этотъ узелъ разрѣшишь, о время!
А для меня онъ – не по силамъ бремя.

Ея изящной внѣшности, нѣжной и хрупкой, и съ особенной тонкостью оттъняемой мужскимъ костюмомъ, соответствуетъ безконечная, чисто женственная грація ея внутренняго существа. Она бываетъ по своему смѣла и находчива, весела и остроумна. Но осыпавъ ее дарами прелести, сдѣлавъ изъ нея умницу и красавицу, давъ ей нѣжное сердце и чуткую мысль, жизнь обидѣла ее: изъ дочери владѣтельнаго дома она обратилась въ слугу; быть можетъ, на вѣки она потеряла родныхъ; единственный братъ погибъ въ волнахъ чуть не на ея глазахъ; любимый ею человѣкъ любитъ другую. И безысходная грусть покрыла тонкимъ налетомъ каждое ея слово и каждое движеніе. И если до столкновенія Віолы съ ужасами жизни «самая зависть – какъ прекрасно характеризуетъ потерянную сестру Себастьянъ – должна была признать ея сердце прекраснымъ», то тѣмъ привлекательнѣе становится образъ прелестной дѣвушки, не запятанный, но возвышенный жизненными испытаніями. Въ ней болѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было образѣ комедіи, отразилось сложное настроеніе, владѣвшее Шекспиромъ во время ея созданія. Но это время – извѣстно ли оно намъ съ совершенной достовѣрностью? Къ счастью, благодаря многообразнымъ и кропотливымъ разысканіямъ и тщательнѣйшему изученію

текста, поглощающему такъ много ученыхъ силъ, у насъ есть на что опереться въ рѣшеніи этого вопроса.

Комедія «Двѣнадцатая ночь» или «Какъ вамъ угодно» не была напечатана при жизни автора и появилась лишь въ изданіи in folio 1623 года съ этимъ двойнымъ заглавіемъ, происхожденіе котораго – очевидно, случайное – не выяснено. Название «*Двѣнадцатой ночи*» (двѣнадцатой отъ Рождества: между Рождествомъ и Крещеніемъ – двѣнадцать дней) носить у англичанъ праздникъ Крещенья, особенно крещенскій вечеръ, которымъ во времена Шекспира заканчивались рождественскіе праздники для высшихъ классовъ. Какъ и у иныхъ народовъ, этотъ вечеръ былъ посвященъ разнымъ играмъ и традиціоннымъ обрядамъ, освященнымъ завѣтами сѣдой старины. Между прочимъ – кто за ужиномъ находилъ запеченный въ пирогъ бобъ, тотъ получалъ званіе бобоваго короля съ правомъ выбрать себѣ бобовую королеву, руководить забавами, заполняющими вечеръ, и отдавать разныя приказанія присутствующимъ, которые обязаны были повиноваться. Намекъ на такую же игру случая въ заглавіи пьесы видѣли нѣкоторые комментаторы (Ульрици), отмѣчавшіе въ ея развязкѣ счастливый жребій, выпадающій главнымъ дѣйствующимъ лицамъ. Можно во всякомъ случаѣ думать, что пьеса была представлена впервые въ тотъ самый вечеръ, отъ котораго она получила свое первое заглавіе.

Время созданія комедіи было долго предметомъ ошибочныхъ соображеній и предположеній. Она считалась послѣдней пьесой Шекспира; предполагалось, что она не могла появиться ранѣе 1614 года. Эта хронологія была основана на субъективной оцѣнкѣ настроенія, царящаго въ пьесѣ. Ясность впечатлѣнія, производимаго комедіей, ея ровное теченіе, чуждое трагизма и обличающее жизнерадостное спокойствіе взрослого человѣка, позволяло отнести ее къ тому періоду душевнаго равновѣсія, къ которому относятся возвышенныя философскія комедіи Шекспира: «Буря», «Цимбелинъ», «Зимняя сказка». Но нѣкоторыя новыя данныя и сопоставленіе нѣсколькихъ указаній, случайно брошенныхъ въ самой пьесѣ, позволяютъ опредѣлить съ достаточной точностью время, когда она была написана. Прежде всего, если ужъ судить по содержанію комедіи, то нѣкоторые герои и положенія ея обличаютъ слишкомъ большую близость къ «Генриху IV», чтобы быть отъ него отдѣленными столь значительнымъ промежуткомъ времени.

Сэръ Тоби такъ близокъ по настроенію, виду и образу жизни къ сэръ Джону Фальстафу, а Андрей – къ судѣ Шэлло (пустозвону), что они должны были быть созданы приблизительно въ одну эпоху. Это подтверждается разнообразными фактами. Въ извѣстномъ списокѣ произведеній Шекспира въ «*Palladis Tamia*» Фрэнсиса Мереса, напечатанномъ въ 1598 г., составитель называетъ нѣсколько его комедій – «Двухъ веронцевъ», «Комедію ошибокъ», «Безплодныя усилія любви», «Вознагражденныя усилія любви», «Сонъ въ

Иванову ночь» и «Венеціанскій купецъ»; «Двѣнадцатой ночи» нѣтъ, а между тѣмъ невѣроятно, чтобы составитель пропустилъ ее, если бы она была ему извѣстна. Пѣсенка «Fare-Well, dear heart, since I must needs be gone» («Прощай, душа! Твой другъ во путь идетъ!»), которую поетъ сэръ Тоби съ шутомъ въ 3 сценѣ II дѣйствія, впервые напечатана въ сборникъ пѣсенъ Роберта Джонса въ 1601 году. Во второй сценѣ III дѣйствія Марія говоритъ, что когда Мальволио улыбнется – «на лицѣ его является больше линій, чѣмъ на новой картѣ съ обѣими Индіями». Это – это первая карта земли по проекціи Меркатора, напечатанная въ Англіи въ 1600 году; въ этой же сценѣ Фабіанъ говоритъ сэру Андрею: «Вы въ мнѣніи графини поплыли на сѣверъ, гдѣ и будете висѣть, какъ ледяная сосулька на бородѣ голландца» – и есть основаніе думать, что это намекъ на путешествіе голландца Баренца на Новую Землю, совершенное въ 1596 г. и описанное въ «The principal navigations, voyages and discoveries» Гаклюйта въ 1600 году.

Очевидно, комедія была написана не ранѣе этихъ датъ, т. е. 1601 года. Противъ этого говоритъ какъ будто только одно соображеніе. Въ комедіи Бенъ Джонсона *Every man out of his humour* («Всякій человѣкъ безъ своихъ странностей»), которую давали уже въ 1599 году, есть одно мѣсто, въ которомъ многіе охотно усматриваютъ намекъ на «Двѣнадцатую ночь» Шекспира. Въ первой сценѣ третьяго акта произведенія Бенъ Джонсона критикъ Митисъ говоритъ объ одной пьесѣ: «Содержаніе комедіи могло бы быть иное – напримѣръ, можно было изобразить, какъ какой нибудь герцогъ влюбленъ въ графиню, а графиня – въ сына герцога, а герцогскій сынъ – въ дѣвушку графини; такое перекрестное увлеченіе, да еще въ прибавку шутъ въ видѣ слуги, – это лучше, чѣмъ что нибудь близкое и сродное нашему времени». Но, не говоря уже о туманности этого намека, весьма слабо напоминающаго

507

интригу «Двѣнадцатой ночи», – возможно, что онъ вставленъ позже.

Такъ опредѣляется начальный моментъ того періода, въ который могла быть написана комедія. Въ началѣ 1602 года она была уже готова. Этимъ цѣннымъ и достовѣрнымъ указаніемъ мы обязаны счастливой находкѣ Колъера, сдѣланной въ 1828 году. Среди рукописей Британскаго музея, въ дневникѣ нѣкоего Джона Мэннингема, юриста, состоявшаго при лондонскомъ судѣ, онъ нашелъ подъ 2 февраля 1602 г. слѣдующую записъ: «Въ нашъ праздникъ (авторъ имѣетъ въ виду судейскій праздникъ Срѣтенія) въ судейской залѣ Middle Temple Hall дана была пьеса подъ заглавіемъ «Двѣнадцатая ночь» или «Что угодно», очень схожая съ «Комедіей ошибокъ» или «Менехмами» Плавта, но особенно близкая къ итальянской пьесѣ «*Inganni*». Содержаніе ея состоитъ въ томъ, что дворецкаго увѣряютъ будто его госпожа, вдова, влюблена въ него; этого достигаютъ посредствомъ подложнаго письма, якобы написаннаго его госпожей, гдѣ въ общихъ выраженіяхъ она говоритъ, что ей нравится въ немъ, какъ ему вести себя, какъ одѣваться и т. д., и когда онъ выполняетъ все это, его

увѣряють, что онъ сошелъ съ ума». Весьма характерно это изложеніе, по которому второстепенный Мальволио является центромъ пьесы, а о главномъ въ ея интригѣ не упоминается совсѣмъ. По этому образцу можно судить, что видятъ подчасъ въ геніальномъ произведеніи современники творца. И это не случайное указаніе: даже нѣсколько позже, когда «Двѣнадцатая ночь» пользовалась значительной популярностью, успѣхъ ея, кажется, покоился по преимуществу на фигурѣ Мальволио. Уже въ 1640 году ученый Леонардъ Дигесъ, перечисляя въ своемъ стихотвореніи «Upon Master William Shekspeare» любимые образы поэта, напоминаетъ о двухъ только комедіяхъ – «All's well» («Конецъ всему дѣлу вѣнецъ») и «Twelfty Night». «Стоитъ только показаться Беатриче и Бенедикту», – говоритъ онъ, – какъ въ мгновеніе ока партеръ, галлерей и ложи наполняются желающими послушать Мальволио, болвана съ подвязками, завязанными крестъ-накрестъ».

Итакъ, драма написана на рубежѣ шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій. При всей скудости біографическихъ свѣдѣній, мы имѣемъ возможность судить о настроеніи Шекспира въ эту эпоху. Онъ былъ счастливъ и чувствовалъ себя счастливымъ. «Представьте себѣ – говоритъ Брандесъ – ощущеніе полноты жизни, поскольку оно вамъ извѣстно, во сто разъ интенсивнѣе, представьте себѣ вашу память, ваше воображеніе, вашу наблюдательность, вашу проницательность, вашъ даръ воспроизведенія впечатлѣній во сто разъ увеличенными, и вы угадаете основное настроеніе Шекспира въ эту эпоху, когда раскрылись вполнѣ болѣе свѣтлыя и радостныя стороны его природы». Но, конечно, такое настроеніе должно было носить въ себѣ свое отрицаніе. Великій художникъ не могъ отдаваться счастливому настроенію, не проходя по немъ мыслью, не интеллектуализируя его. Онъ подходилъ къ сороковымъ годамъ жизни; громады жизненной загадки стояли передъ нимъ, неотступно тѣсня его – и въ его сложной душѣ зрѣли уже вѣковѣчные отвѣты на нихъ въ видѣ его великихъ трагедій. И эта сложность настроенія прошла по веселой «Двѣнадцатой ночи». Комедія двойственна по формѣ, двойственна по содержанію, двойственна по настроенію. Грубоватый комизмъ реалистическаго изображенія сочетался въ ней съ неопредѣленной фантастичностью прелестнаго романтизма; коренастыя, неуклюжія, забавныя фигуры подлинныхъ англичанъ – дворецкаго, горничной, прихлебателя – встрѣтились въ ней съ граціозными и туманно-ирреальными образами какихъ-то полусказочныхъ герцоговъ Иллиріи, наслѣдниковъ Митилены, выплывшихъ изъ экзотическихъ глубинъ Средиземнаго побережья; встрѣтились, чтобы чудеснымъ образомъ слиться въ одну гармоническую картину, которой наслаждается упоенный зритель, не смущаемый ненужнымъ и грубымъ вопросомъ объ элементарной правдивости пьесы, о простѣйшихъ требованіяхъ реализма. И, наконецъ, изъ такого же восхитительнаго соединенія противоположностей соткано настроеніе пьесы – это своеобразное переплетеніе здороваго жизненнаго веселья и затаенной грусти, то мечтательной, то задумчивой. Это соединеніе не удивило бы насъ въ томъ эстетическомъ феноменѣ, который мы называемъ юморомъ. Но здѣсь мы чаще

всего имѣемъ не юморъ, а именно комизмъ, простой, неповоротливый комизмъ поверхностно-забавныхъ положеній и образовъ, вызывающій не сложное раздумье юмора, а веселый, захватывающій смѣхъ, который мы назвали бы бессмысленнымъ, если бы это названіе не было обидно для такого здороваго проявленія здоровой души. И слить

508

этотъ элементарный гедонизмъ съ мотивами нѣжной, еле намѣченной, но тѣмъ сильнѣе чувствуемой грусти – вотъ неразрѣшимая трудность, которую поставило себѣ гениальное дарованіе – и точно играя, разрѣшило ее. Эту буйно-веселую пьесу, гдѣ глупый Андрей соперничаетъ въ нелѣпости съ одураченнымъ Мальволио, гдѣ непристойныя шутки сэра Тоби смѣняются забавными выходками шута, гдѣ счастливая развязка достается безъ всякой борьбы и скорби, однимъ мановеніемъ счастливой случайности, гдѣ пьяный распутникъ одерживаетъ легкую побѣду надъ призывомъ къ пристойности посредствомъ знаменитаго афоризма: «Или ты думаешь, – потому что ты добродѣтеленъ, такъ не бывать на свѣтѣ ни пирогамъ, ни вину?» эту пьесу, гдѣ только и дѣлаютъ, что пляшутъ, шутятъ, поютъ и смѣются, а въ заключеніе играютъ двѣ, и даже три, свадьбы, – англійскій критикъ съ большою чуткостью Артуръ – Саймонсъ называлъ «прощаньемъ съ веселостью». Это очень тонко: вся пьеса въ самомъ дѣлѣ еще цѣликомъ въ сферѣ веселья; но продумайте и прочувствуйте ее – и вы увидите, что она уже отрывается отъ веселья, чтобы перейти въ иной міръ – и увлечь за собой и автора, и читателя. Эта нѣжная сложность, далекая отъ неисчислимаго богатства глубочайшихъ духовныхъ сплетеній, обезсмертившихъ трагедіи Шекспира, но отмѣченная какой то безконечной поэтичностью, представляетъ лучшее достоинство «Двѣнадцатой ночи». Среди произведеній Шекспира – говоритъ о комедіи тотъ же англійскій критикъ, Артуръ Саймонсъ – есть творенія болѣе великія, но нѣтъ ничего болѣе очаровательнаго».

А. Горнфельдъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Орсино, герцогъ иллирійскій.

Себастіанъ, молодой дворянинъ, братъ Віолы.

Антонію, капитанъ корабля, другъ Себастіана.

Капитанъ корабля, другъ Віолы.

Валентинъ }
 } придворные герцога.

Куріо }

Сэръ Тоби Бельчъ, дядя Оливіи.

Сэръ Андрей Эгчикъ (Блѣднощекъ).

Мальволію, управитель Оливіи.

Фестъ, шутъ Оливіи.

Оливія, богатая графиня.

Віола, влюбленная въ герцога.

Марія, служанка Оливіи.

Фабіанъ, слуга Оливіи.

Придворные, священникъ, матросы, полицейскіе, музыканты и слуги.

Дѣйствіе происходитъ въ Иллиріи, въ городѣ и на близлежащемъ берегу.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Комната во дворцѣ герцога.

Входятъ герцогъ, Куріо и придворные.

Вдали – музыканты.

Герцогъ.

Когда музыка пища для любви –

Играйте громче, насыщайте душу!

Пусть пресыщенное желанье звуковъ

От полноты зачахнетъ и умретъ.

Еще разъ тотъ напѣвъ! Онъ словно замеръ!

Он обольстиль мой слухъ, какъ вѣтеръ юга,

Что, вѣя надъ фіалковой грядой,

Уноситъ и приноситъ ароматы.

Довольно – перестаньте! Нѣтъ, ужъ онъ

Не нѣжитъ слухъ, какъ это было прежде.

О, духъ любви, какъ свѣжъ ты, какъ ты живъ!

Какъ океанъ, ты принимаешь все.
Но чтобъ ни кануло въ твою пучину
И какъ ни было бъ драгоцѣнно, важно,
Цѣна его мгновенно упадетъ.
Любовь такъ преисполнена мечтаній,
Что истинно мечта – одна любовь.

Куріо.

Хотите ли на травлю, государь?

Герцогъ.

Кого травить мнѣ?

Куріо.

Лань.

Герцогъ.

Да, я охочусь

За благороднѣйшей моею ланью.
Когда я въ первый разъ Оливію увидѣлъ,
Мнѣ показалось, будто самый воздухъ
Очищенъ отъ губительной заразы
Ея дыханіемъ – и въ то жъ мгновенье
Оленемъ сталъ я, и, какъ злые псы,
Меня съ тѣхъ поръ преслѣдуютъ желанья.

Входитъ Валентинъ.

Герцогъ.

А, вотъ и ты! Ну, что она сказала?

Валентинъ.

Осмѣлюсь доложить, что я не видѣлъ
Самой графини. Дѣвушка ея

Ходила къ ней и, возвратясь, сказала,
Что даже небо прежде семи лѣтъ
Ея лица не узритъ безъ покрова.
Она монахиней подъ покрываломъ
Рѣшилась жить и келію свою,
Что Божій день, горячими слезами
Вкругъ окроплять – и это все затѣмъ,

Чтобъ брата мертвую любовь почитать
И въ памяти печальной сохранить
Ее надолго живо и свѣжо.

Герцогъ.

Она, въ комъ сердце создано такъ нѣжно,
Что можетъ чтить такъ свято память брата –
О, какъ она полюбитъ, если сонмъ
Живущихъ въ ней желаній умертвить
Стрѣла золотая, если воцарится
На двухъ возвышенныхъ ея престолахъ,
На этихъ милыхъ, нѣжныхъ совершенствахъ –
На сердцѣ и умѣ – одинъ властитель!
Впередъ – въ любви свободную обитель!
Сладка мечта любви въ тѣни лѣсовъ,
Среди благоухающихъ цвѣтовъ! (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Берегъ моря.

Входятъ Віола и капитанъ корабля.

Віола.

Что это за земля, друзья мои?

Капитанъ.

Иллирія, прекрасная синьора.

Віола.

Но что же мнѣ въ Иллиріи здѣсь дѣлать?
Мой братъ въ поляхъ Элизіума бродитъ!
Но, можетъ-быть, онъ живъ – не утонулъ?
Какъ думаете вы?

Капитанъ.

Вѣдь, вы спаслись же!

Віола.

О, бѣдный братъ! Но, можетъ быть, и онъ
Не утонулъ, а спасся тоже?

Капитанъ.

Да –

И чтобы васъ возможностью утѣшить,
Я вотъ что расскажу: когда корабль
Разбился о скалу, и вы, спасаясь,
Вотъ съ ними плыли на ладью, я видѣлъ,
Какъ смѣлый братъ вашъ, бодро сохраняя

Среди опасностей присутствіе ума,
Связалъ себя съ огромнѣйшею мачтой:
Его учили смѣлость и надежда.
Какъ на хребтѣ дельфина Аріонъ,
Онъ твердо сохранялъ съ волнами дружбу,
Пока я взоромъ могъ за нимъ слѣдить.

Віола (*бросая кошелекъ*).

Возьми за эту вѣсть. Съ моимъ спасеньемъ
Въ душѣ моей воскресла и надежда;
Твои жъ слова ее питаютъ. Онъ,
Быть можетъ, живъ! Ты эту землю знаешь?

Капитанъ.

И очень хорошо. Недалеко
Отсюда я родился и воспитанъ.

Віола.

А кто здѣсь царствуетъ?

Капитанъ.

Благородный

И сердцемъ и происхожденіемъ герцогъ.

Віола.

А какъ зовутъ его?

Капитанъ.

Орсино, донна.

Віола.

Орсино? Да, я помню, мой отецъ
Его не разъ такъ называлъ. Тогда
Еще онъ холостъ былъ.

Капитанъ.

Да и теперь,

Или по крайней мѣрѣ незадолго,
Не дальше, какъ за мѣсяцъ, я оставилъ
Иллирію: тогда носился слухъ –
Вы знаете, что мелкіе не прочь
Болтать о томъ, что дѣлаютъ большіе –
Что ищетъ онъ Оливіи руки.

Віола.

Но кто она?

Капитанъ.

Дочь графа и дѣвица,

Исполненная всякихъ совершенствъ.

Графъ умеръ годъ тому назадъ, ее
Оставивши на попеченье брата,
Который также кончилъ жизнь; графиня жъ,
Любя его горячею любовью,
Отъ общества мужского отеклась.

Виола.

О, если бы я ей служить могла

512

И званіе мое передъ людьми
Скрывать, пока мой планъ созрѣетъ!

Капитанъ.

Это

Исполнить не легко. Всѣмъ предложеньямъ,
И даже герцогскимъ, она не внимлетъ.

Виола.

Ты вѣжливъ въ обращеньи, капитанъ.
И, несмотря на то, что очень часто
Природа подъ изящной оболочкой
Скрываетъ смерть, мнѣ вѣрится охотно,
Что благородная твоя осанка
Въ гармоніи съ прекрасною душой.
Прошу тебя – за исполненье просьбы
Я щедро награжу – сокрой, кто я,
И помоги мнѣ отыскать одежду,
Приличную для плана моего.
Я герцогу хочу служить. Прошу
Меня ему представить какъ кастрата.
Твой трудъ не пропадетъ напрасно: я
Умѣю пѣть, умѣю восхищать
Игрой на лютнѣ и способна къ службѣ.
Все остальное – время довершить,
Лишь помолчи объ умыслѣ моемъ.

Капитанъ.

Я буду нѣмъ: вы будете кастратомъ –
Иль слѣпота меня да поразить!

Виола.

Прекрасно! Такъ веди же дальше! (*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Комната въ домъ Оливіи.

Входятъ Тоби Бэльчъ и Марія.

Сэръ Тоби. Кой чортъ вздумалось моей племянницѣ такъ огорчаться смертью своего брата? Право же заботы – врагъ жизни.

Марія. Право, сэръ Тоби, вамъ бы слѣдовало пораньше возвращаться домой. Барышня, племянница ваша, сильно возмущается вашими полуночными визитами.

Сэръ Тоби. Такъ пусть возмущается себѣ, пока противъ самой не возмутились.

Марія. Однако, порядочная жизнь вамъ бы больше пристала.

Сэръ Тоби. Больше пристала? Да къ чему мнѣ рядиться? Я и такъ порядочно одѣтъ. Этотъ кафтанъ на столько хорошъ, что въ немъ можно пить, и сапоги тоже – или чтобъ имъ подавиться собственными голенищами!

Марія. Бражничанье да гулянье доканаютъ васъ. Барышня еще вчера объ этомъ говорила, да еще о какомъ-то Иванушкѣ-дурачкѣ, котораго вы какъ-то вечеромъ приводили къ ней свататься.

Сэръ Тоби. О комъ это? объ Андреѣ Эгчикѣ?

Марія. Да.

Сэръ Тоби. Да онъ не хуже кого другого въ Иллиріи.

Марія. Какое кому до этого дѣло?

Сэръ Тоби. Да, вѣдь, онъ получаетъ въ годъ 3000 червонныхъ.

Марія. Всѣ его червонцы станутъ ему развѣ на годъ: онъ дуракъ и мотъ.

Сэръ Тоби. И какъ только ты можешь такъ говорить? Онъ играетъ на басѣ и знаетъ три-четыре языка наизусть слово-въ-слово и многимъ еще кое-чѣмъ одаренъ отъ природы.

Марія. Да, правда, порядочно одурень. При всей своей глупости, онъ еще и забіяка – и не имѣй дара трусости для усмиренія удалства, такъ умныя головы думаютъ, что ему бы скоро свернули шею.

Сэръ Тоби. Клянусь кулакомъ моимъ,

513

тотъ лжецъ и мерзавецъ, кто такъ отзывается о немъ! Кто они?

Марія. А тѣ самые, которые утверждаютъ, что онъ каждый вечеръ напивается съ вами до-пьяна.

Сэръ Тоби. Конечно, за здоровье моей племянницы. Я до тѣхъ поръ буду пить за нее, пока въ глотку льется и есть еще вино въ Иллиріи. Собака и свинья,

кто не пьетъ въ честь племянницы до тѣхъ поръ, пока мозгъ у него не поидеть кубаремъ. Тише, красотка! Castiliano volto! Сэръ Андрей Эгчикъ идетъ.

Входитъ сэръ Андрей Эгчикъ.

Сэръ Андрей. Сэръ Тоби Бельчъ! Какъ поживаешь, сэръ Тоби Бельчъ?

Сэръ Тоби. Дружище, сэръ Андрей!

Сэръ Андрей. Здравствуй, красавица!

Марія. Здравствуйте, сударь.

514

Сэръ Тоби. Приступай, сэръ Андрей, приступай!

Сэръ Андрей. Кто это?

Сэръ Тоби. Горничная моей племянницы.

Сэръ Андрей. Милая мамзель Приступай, мнѣ хочется ближе съ тобою познакомиться.

Марія. Мое имя Марія, сударь.

Сэръ Андрей. Милая Марія Приступай!

Сэръ Тоби. Ты не такъ меня понялъ, братецъ. *Приступай* – значитъ: разговоришься съ нею, атакуй ее. Маршъ на приступъ!

Сэръ Андрей. Клянусь честью, въ этомъ обществѣ я не рѣшился бы сдѣлать это. Такъ это значитъ – *приступай*?

Марія. Мое почтеніе, господа.

Сэръ Тоби. Если она такъ уйдетъ, сэръ Андрей, такъ чтобъ тебѣ никогда не обнажать шпаги!

Сэръ Андрей. Если ты такъ уйдешь, такъ чтобы мнѣ никогда не обнажать шпаги! Что жъ ты, милочка, думаешь, что водишь дураковъ за носъ?

Марія. Нѣтъ, сударь, я васъ не вожу за носъ.

Сэръ Андрей. Но будешь вести, вотъ тебѣ рука моя.

Марія. Конечно, сударь, мысли свободны, но все-таки не худо было бы держать ихъ немного на привязи.

Сэръ Андрей. Это зачѣмъ, моя милочка? Что значитъ эта метафора?

Марія. Она суха, сударь, такъ же, какъ ваша рука горяча.

Сэръ Андрей. Что же? Ты хотъ кого согрѣешь!

Марія. Нѣтъ, у васъ холодное сердце: это я могу пересчитать по вашимъ пальцамъ.

Сэръ Андрей. А ну, попробуй!

Марія. Да я уже пересчитала по нимъ, что вы и трехъ не пересчитаете. Прощайте.

(Уходитъ).

Сэръ Тоби. О, рыцарь, тебѣ нужно бы стаканъ канарскаго! Случалось-ли, чтобы тебя такъ сшибали съ ногъ?

Сэръ Андрей. Никогда, вотъ развѣ только канарское сваливало меня съ ногъ. Мнѣ сдается, что иногда во мнѣ не больше остроумія, чѣмъ въ обыкновенномъ человѣкѣ. Но я ѣмъ очень много говядины – и это вредитъ моему остроумію.

Сэръ Тоби. Безъ сомнѣнія.

Сэръ Андрей. Если бы я это думалъ, я бы зарекся ѣсть ее. Завтра я поѣду домой, сэръ Тоби.

Сэръ Тоби. Pourquoi, любезный рыцарь?

Сэръ Андрей. Что такое pourquoi: поѣзжай или нѣтъ? Жаль, что я не употребилъ на языки времени, которое ушло на фехтованье, танцы и травлю лисицъ. Ахъ, что бы мнѣ заняться искусствами!

Сэръ Тоби. О, тогда голова твоя прекрасно была бы убрана волосами!

Сэръ Андрей. Какъ такъ? Развѣ они исправили бы волоса мои?

Сэръ Тоби. Безъ сомнѣнія! Ты видишь, отъ природы они не хотятъ виться.

Сэръ Андрей. Однако они все-таки мнѣ очень къ лицу – не правда ли?

Сэръ Тоби. Чудесно! Они висятъ, какъ лень на прялкѣ, и я надѣюсь дожить еще до того, что какая-нибудь баба возьметъ тебя между колѣнъ и начнетъ ихъ пряхъ.

Сэръ Андрей. Ей-богу, я поѣду завтра домой, сэръ Тоби. Твоя племянница не хочетъ показываться. Да если бы и показалась, такъ можно держать десять противъ одного, что я ей не понравлюсь. Самъ герцогъ, ктому-же, ухаживаетъ за ней.

Сэръ Тоби. Герцога она не хочетъ, такъ какъ не хочетъ выйти за человѣка, который выше ея званіемъ, лѣтами и умомъ. Я самъ слышалъ, какъ она клялась въ этомъ. Веселѣй, братъ! Еще не все пропало.

Сэръ Андрей. Такъ я останусь еще на мѣсяцъ. Я человѣкъ съ самымъ страннымъ устройствомъ души: иногда меня только и занимаютъ маскарады да поѣздки.

Сэръ Тоби. Неужели ты годенъ на эти дурачества?

Сэръ Андрей. Да такъ же, какъ и всякій другой въ Иллиріи, будь онъ кто угодно, лишь бы не былъ знатнѣе меня; а съ старшими я сравнивать себя не хочу.

Сэръ Тоби. Зачѣмъ же скрываются эти таланты? Зачѣмъ завѣса опущена предъ этими дарами? Или, можетъ быть, ты боишься, чтобъ они не запылились, какъ картины миссисъ Малль? Почему ты не идешь въ театръ галопадомъ и не возвращаешься въ присядку? Я на твоемъ мѣстѣ не ходилъ бы иначе, какъ à pas de rigaudon? Что съ тобой сдѣлалось? Развѣ нынѣшній свѣтъ таковъ, чтобъ держать подъ спудомъ свои добродѣтели? Глядя на прекрасное устройство твоихъ ногъ, я всегда думалъ, что ты родился подъ галлопирующею звѣздою.

Сэръ Андрей. Да, нога мощная, и въ чулкѣ розоваго цвѣта не дурна. Не приняты ли за стаканы?

Сэръ Тоби. А что намъ больше дѣлать?

Развѣ мы не родились подѣ созвѣздіемъ Козерога?

Сэръ Андрей. Козерога? Это знаменуетъ толчки и драку.

Сэръ Тоби. Нѣтъ, дружище, это означаетъ прыжки и пляску. Ну, покажи свои скачки: валяй! выше! Э-ге, чудесно!

(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Комната во дворцѣ герцога.

Входятъ Валентинъ и Віола въ мужскомъ платьѣ.

Валентинъ. Если герцогъ всегда будетъ такъ милостивъ, Цезаріо, такъ вы далеко пойдете: всего три дня, какъ васъ знаетъ – и вы уже не чужой.

Віола. Вы опасаетесь или непостоянства съ его стороны, или небрежности съ моей, если сомнѣваетесь въ продолженіи его благосклонности. Что? онъ непостояненъ въ своихъ милостяхъ?

Валентинъ. Нѣтъ, нисколько.

Входятъ герцогъ, Куріо и свита.

Віола.

Благодарю; но вотъ и графъ идетъ.

Герцогъ.

Скажите, гдѣ Цезаріо? гдѣ онъ?

Віола.

Я здѣсь, къ услугамъ вашимъ, государь.

Герцогъ (*свистъ*).

Вы станьте здѣсь поодаль всѣ покамѣсть.

Цезаріо, ты знаешь все: тебѣ

Я въ книгѣ сердца моего открылъ

Страницы глубочайшихъ тайн. Бѣги,

Лети къ ней, милый другъ, не принимай

Отказовъ никакихъ, стой у дверей, скажи,

Что корни въ полъ нога твоя пустила,

Что не уйдешь, пока ея не видѣлъ...

Віола.

Однако жъ, государь, когда тоскѣ

Она дѣйствительно такъ предалась,

Какъ говорятъ – она меня не впуститъ.

Герцогъ.

Шуми, будь дерзокъ лучше, чѣмъ оставить
Безъ исполненія твое посольство.

Віола.

Положимъ, государь, что мнѣ удастся
Съ ней говорить – тогда что?

Герцогъ.

О! тогда

Раскрой предъ ней весь пылъ моей любви
И изуми рассказомъ обо мнѣ.
Тебѣ излить тоску мою пристало:
Тебя она скорѣе станетъ слушать,
Чѣмъ стараго посла съ лицомъ суровымъ.

Віола.

Не думаю.

Герцогъ.

Повѣрь мнѣ, милый другъ:

Тотъ наклевететъ на твою весну,
Кто скажетъ, что ты мужъ. Уста Діаны
Не мягче, не алѣй; твой голосокъ,
Какъ голосъ дѣвушки, и чистъ, и звученъ;
Какъ женщина, ты созданъ весь. Я знаю,
Твоя звѣзда посольству твоему
Благопріятна. Четверо изъ васъ
Пусть съ нимъ идутъ. Ступайте хоть и всѣ,
Когда угодно. Мнѣ дышать тѣмъ легче,
Чѣмъ менѣе вокругъ меня людей.
Окончи счастливо твое посольство –
Свободенъ будешь ты, какъ твой монархъ,
И съ нимъ раздѣлишь все.

Віола.

Я постараюсь

Все сдѣлать, чтобъ графиню покорить.
(Тихо). О, какъ я ни стараюсь, все страдаю!
Его женой сама я быть желаю. (Уходятъ).

СЦЕНА V.

Входятъ Марія и шутъ.

Марія. Ну, говори же, гдѣ ты таскался, или я ни на волосъ не открою рта для твоего извиненія. Барышня прикажетъ тебя повѣсить за отлучку.

Шутъ. По-мнѣ – пожалуй. Кто на этомъ свѣтѣ хорошо повѣшенъ, тому лба не забрѣютъ.

Марія. Почему такъ?

Шутъ. А потому, что онъ не можетъ итти въ рекрутское присутствіе.

Марія. Постный отвѣтъ! Я тоже могу сказать тебѣ, откуда взялось выраженіе «забрить лобъ».

Шутъ. Откуда, моя красotka?

Марія. Изъ рекрутскаго присутствія. И ты это можешь смѣло повторять въ твоей глупости.

Шутъ. Да, надѣли, Господи, мудростью

516

мудрыхъ, а дурачье пусть себѣ отдають въ ростъ свои дары.

Марія. Тебя все-таки повѣсятъ за то, что ты шатался такъ долго, или выгонятъ вонъ; а развѣ это для тебя не все равно, что повѣсятъ?

Шутъ. Хорошо висѣть лучше, чѣмъ худо жениться. А что до того, что меня прогонятъ, такъ мнѣ все равно, покамѣстъ на дворѣ лѣто.

Марія. Такъ тебѣ не нужна моя помощь?

Шутъ. Зачѣмъ? У меня и своихъ пара помочей.

Марія. А когда одна лопнетъ, такъ другая будетъ держать; а если обѣ лопнуть, то ты потеряешь панталоны.

Шутъ. Ловко! ей-богу, ловко! Продолжай, продолжай! Если сэръ Тоби оставитъ пьянство, то ты будешь самой остроумной изъ дочерей Еввы во всей Иллиріи.

Марія. Тише, шутъ! ни слова больше! Тебѣ не худо бы извиниться, какъ слѣдуетъ.

(Уходитъ).

Шутъ. Остроуміе, если на то будетъ воля твоя, то помоги мнѣ въ доброй шуткѣ! Умные люди, которые думаютъ, что обладаютъ тобою, часто остаются въ дуракахъ; а я, который увѣренъ, что не имѣю тебя, могу прослыть за мудреца, ибо что говоритъ Квинапаль? – «Мудрый глупецъ лучше глупаго мудреца».

Входятъ Оливія и Мальволио.

Шутъ. Желаю здравствовать, сударыня!

Оливія. Выведите глупость вонъ!

Шутъ. Слышите вы? выведите вонъ графиню!

Оливія. Поди, ты, сухой дуракъ! Я тебя знать не хочу, да, кромѣ того, ты еще начинаешь худо вести себя.

Шутъ. Два недостатка, мадонна, которые можно уничтожить питьемъ и добрымъ совѣтомъ. Дайте сухому дураку напиться – онъ не будетъ сухъ. Посовѣтуйте дурному человѣку исправиться – и если исправится, то онъ уже не дурной человѣкъ; если же онъ уже не можетъ исправиться, то пусть его портной заштопаетъ. Вѣдь, что не исправлено, все только штопано. Проступившаяся добродѣтель штопана грѣхомъ; исправившійся грѣхъ штопанъ добродѣтелью. Годится этотъ простой выводъ – хорошо, нѣтъ – что дѣлать! Истинный рогоносецъ – только несчастье, а красота – цвѣтокъ. Графиня хотѣла, чтобъ вывели глупость, и я повторяю: выведите графиню вонъ!

Оливія. Я хотѣла, чтобы тебя вывели, почтеннѣйшій.

Шутъ. Жестокая ошибка, сударыня: *Ciculus non facit monachum*, то есть: мой мозгъ не такъ пестръ, какъ мой кафтанъ. Добрѣйшая мадонна, позвольте доказать, что вы дура.

Оливія. Можешь ли ты это сдѣлать?

Шутъ. И очень мадонна!

Оливія. Доказывай.

Шутъ. Но я долженъ сперва проэкзаменовать васъ, мадонна. Отвѣчайте мнѣ...

Оливія. Пожалуй. За недостаткомъ лучшаго развлеченія, я послушаю твои доказательства.

Шутъ. Добрѣйшая мадонна, о чемъ грустишь ты?

Оливія. Добрый дуракъ, о смерти моего брата.

Шутъ. Я думаю, душа его въ аду, мадонна.

Оливія. Я знаю, дуракъ, что душа его на небесахъ.

Шутъ. Тѣмъ больше ты дура, если грустишь о томъ, что душа брата твоего на небесахъ. Эй, вы! выведите глупость вонъ!

Оливія. Что ты думаешь объ этомъ дуракъ, Мальволио? Не становится ли онъ лучше?

Мальволио. Конечно – и будетъ совершенствоваться до послѣдняго издыханія. Старость приводитъ въ упадокъ умнаго человѣка, а дурака – совершенствуетъ.

Шутъ. Ниспошли же тебѣ Господи раннюю старость, и глупость твоя да расцвѣтетъ во всей красѣ! Сэръ Тоби поклянется, что я не лисица, но ни гроша не прозакладуетъ, что ты не дуракъ.

Оливія. Что ты на это скажешь, Мальволио?

Мальволио. Я удивляюсь, какъ ваше сіятельство можете находить удовольствіе въ такомъ бездарномъ мерзавцѣ! Я видѣлъ давеча, какъ простой дуракъ, въ которомъ столько же мозга, какъ въ палкѣ, вышибъ его изъ сѣдла. Смотрите, онъ уже потерялся; если вы не смѣетесь и не доставляете ему случая для остротъ, такъ у него ротъ зашить. Ей-ей, умные люди, которые смѣются надъ этими заказными дураками, не что иное, какъ паяцы этихъ же дураковъ.

Оливія. О. ты боленъ самолюбіемъ, Мальволіо, и вкусъ твой совершенно испорченъ. Кто благороденъ, простодушенъ и одаренъ свободою мысли, тотъ принимаетъ за мыльные пузыри эти выходки, въ которыхъ ты видишь пушечныя ядра. Привилегированный

517

дуракъ не клеветаетъ, хотя бы безпрестанно насмѣхался, такъ же какъ человѣкъ, извѣстный за умнаго, не насмѣхается, хотя бы всегда осуждалъ.

Шутъ. Да ниспошлетъ тебѣ Меркурій даръ краснорѣчія за то, что ты хорошо говоришь въ пользу дураковъ.

Марія *возвращается.*

Марія. Сударыня, тамъ у дверей какой-то молодой человѣкъ: онъ очень желаетъ съ вами говорить.

Оливія. Онъ отъ графа Орсино, не правда ли?

Марія. Не знаю, сударыня: статный молодой человѣкъ и съ довольно большою свитою.

Оливія. Кто же его удерживаетъ?

Марія. Сэръ Тоби, сударыня, вашъ дядюшка.

Оливія. Пожалуйста, уведи его: онъ вѣчно говоритъ, какъ сумасбродъ. (Марія уходитъ). Ступай, Мальволіо – и если это посолье отъ графа, такъ я больна, или меня нѣтъ дома. Скажи, что хочешь, лишь бы отвязаться. (Мальволіо уходитъ. Шуту). Видишь, какъ твои шутки старѣютъ и надоѣдаютъ?

Шутъ. Ты же за насъ говорила, мадонна, какъ-будто старшему сыну твоему быть шуткомъ; но да набьютъ боги биткомъ его черепъ мозгомъ, понеже вотъ одинъ изъ твоей роденьки, у котораго очень слабая *pia mater*.

Входитъ сэръ Тоби.

Оливія. Право, онъ полупьянъ. Кто тамъ у дверей, дядюшка?

Сэръ Тоби. Человѣкъ.

Оливія. Человѣкъ? Какой человѣкъ?

Сэръ Тоби. Человѣкъ тамъ... (Икаетъ). Чортъ возьми эти селедки! (Шуту). Ты что, болванъ?

Шутъ. Почтеннѣйшій сэръ Тоби...

Оливія. Дядюшка, дядюшка, такъ рано и уже въ такомъ непристойномъ видѣ.

Сэръ Тоби. Недостойномъ? Велика важность. Тамъ кто-то у дверей.

Оливія. Ну, хорошо; да кто же?

Сэръ Тоби. По мнѣ, хоть самъ чортъ, если ему угодно. Мнѣ что за дѣло? Ужъ повѣрьте мнѣ, говорю я. Э! все на одно выходитъ! (Уходитъ).

Оливія. Съ чѣмъ можно сравнивать пьянаго?

Шутъ. Съ утопленникомъ, дуракомъ и бѣшенымъ. Первый глотокъ сверхъ жажды дѣлаетъ его дуракомъ, второй – бѣшенымъ, а третій – утопленникомъ.

Оливія. Ступай же за полицейскимъ, пусть освидѣтельствуешь дядюшку: онъ уже въ третьей степени пьянства – онъ утонулъ. Ступай, присмотри за нимъ.

Шутъ. До сихъ поръ онъ еще только бѣшенный, мадонна – и дуракъ будетъ смотрѣть за бѣшеннымъ. (*Уходитъ*).

Мальволио возвращается.

Мальволио. Сударыня, этотъ молодой человѣкъ клянется, что долженъ говорить съ вами. Я сказалъ ему, что вы нездоровы; но онъ увѣряетъ, что уже слышалъ объ этомъ и потому именно пришелъ говорить съ вами. Я сказалъ, что вы спите – и это онъ какъ-будто зналъ уже напередъ и утверждаетъ, что за тѣмъ-то и пришелъ поговорить съ вами. Что ему сказать, сударыня? Онъ вооруженъ противъ всякаго отказа.

518

Оливія. Скажи ему, что я не хочу съ нимъ говорить.

Мальволио. Я это ему уже говорилъ, да онъ увѣряетъ, что будетъ стоять у дверей, какъ будка часового, пока вы его не допустите.

Оливія. Какого же рода этотъ человѣкъ?

Мальволио. Мужского.

Оливія. Ну, а какого рода мужчина?

Мальволио. Очень дерзкаго. Волею или неволею, онъ непременно хочетъ говорить съ вами.

Оливія. Его лѣта, наружность?

Мальволио. Не довольно старъ для мужа, не довольно молодъ для мальчика; ни рыба, ни мясо, такъ – на межѣ мужа и мальчика. Лицомъ смазливъ, говоритъ дерзко; у него, какъ будто, еще молоко на губахъ не обсохло.

Оливія. Впусти его, да позови Марію.

Мальволио. (*кричитъ*). Марія, графиня зоветъ! (*Уходитъ*).

Марія возвращается.

Оливія. Подай мнѣ вуаль и накинь ее на меня: попробую еще разъ выслушать посольство Орсино.

Входитъ Віола со свитою.

Віола. Кто изъ васъ благородная хозяйка этого дома?

Оливія. Обратитесь ко мнѣ, я хочу отвѣчать за нее. Что вамъ угодно?

Віола. Вселучезарнѣйшая, превосходнѣйшая, несравненнѣйшая красавица, прошу васъ покорнѣйше сказать мнѣ, кто здѣсь хозяйка? Я никогда ея не видалъ, и потому мнѣ бы не хотѣлось промахнуться съ моею рѣчью, такъ какъ кромѣ того, что она мастерски изложена, мнѣ еще стоило большого труда выучить ее наизусть. Красавицы мои, не насмѣхайтесь надо мной: я очень чувствителенъ, – малѣйшее неуваженіе меня раздражаетъ.

Оливія. Откуда вы, сударь?

Віола. Я могу вамъ разсказать не много больше того, что я выучилъ, а этого вопроса нѣтъ въ моей роли. Увѣрьте меня въ томъ, моя красавица, что вы дѣйствительно хозяйка, чтобъ я могъ продолжать рѣчь мою.

Оливія. Вы актеръ?

Віола. Нѣтъ, мое сокровенное сердце. И при всемъ томъ клянусь вамъ всѣми крючками хитрости, я не то, что представляю. Вы ли хозяйка?

Оливія. Если не слишкомъ много беру на себя, такъ я.

Віола. Дѣйствительно, если это вы, то вы много на себя берете. Что въ вашей волѣ дать, въ томъ отказать вы не властны. Впрочемъ, это не принадлежитъ къ моему порученію. Итакъ, я буду продолжать похвальное вамъ слово, а потомъ поднесу зерно моего посольства.

Оливія. Къ дѣлу; что же касается похвальнаго слова, то я васъ освобождаю отъ него.

Віола. Ахъ, да... а я убилъ столько труда, чтобъ выучить его наизусть, и слово мое такъ поэтически изложено.

Оливія. Потому-то оно и вымышлено. Пожалуйста, поберегите его для себя. Я слышала, что вы неприлично вели себя у моихъ дверей и впустила васъ больше затѣмъ, чтобъ подивиться вамъ, чѣмъ слушать ваши рассказы. Если вы не безразсудны, то удалитесь; если вы умны, то укоротите рѣчь свою. Сегодня я не расположена быть дѣйствующимъ лицомъ въ подобномъ странномъ разговорѣ.

Марія. Угодно вамъ сняться съ якоря? Вотъ дорога.

Віола. Нѣтъ, милый юнга, я еще здѣсь покрейсирую. Усмирите немного вашего великана, принцесса!

Оливія. Вѣроятно, вы должны сказать мнѣ ужасную вѣсть, если дѣлаете къ ней такіа ужасныя приготовленія. Исполняйте ваше порученіе.

Віола. Оно назначено только для вашего слуха. Я пришелъ не съ объявленіемъ войны, не съ требованіемъ дани. Оливковая вѣть въ рукѣ моей, и я произношу только слова мира.

Оливія. Тѣмъ не менѣе, начало было довольно бурное. Кто вы? чего хотите?

Віола. Если я выказалъ невѣжливость – то этому виной пріемъ, который встрѣтилъ. Кто я и чего я хочу – таинственно, какъ дѣвственная прелесть: для вашего слуха – цѣлая поэма, для всякаго другого – святотатство.

Оливія. Оставьте насъ. (*Марія и свита уходятъ*). Послушаемъ эту поэму. Ну, сударь, что-то гласитъ ваша поэзія?

Віола. Прелестнѣйшая!

Оливія. Утѣшительное ученіе – и о немъ много можно наговорить. Гдѣ же стихи ваши?

Віола. Въ груди Орсино.

Оливія. Въ его груди? Въ которой главѣ?

Віола. Чотобъ отвѣчать методически – въ первой.

Оливія. О, ее я читала! Это ересь. Больше ничего вы не имѣете сказать мнѣ?

Віола. Красавица, позвольте взглянуть на ваше лицо.

Оливія. Развѣ герцогъ далъ вамъ порученіе къ моему лицу? Вы сбились съ текста. Однако жъ я отброшу занавѣсъ и покажу вамъ картину. *(Она сбрасываетъ вуаль)*. Смотрите: такова я дѣйствительно въ это мгновеніе. Хороша ли работа?

Віола. Превосходна, если одна природа создала ее.

Оливія. Краса неподдѣльная: не боится ни дождя, ни вѣтра.

Віола.

Гдѣ розы съ лиліями сочетала
Природы нѣжная, искусная рука,
Тамъ красота чиста и неподдѣльна.
Вы будете жесточе всѣхъ, графиня,
Когда въ могилѣ скроете красу
И списка не оставите для міра.

Оливія. О, я не хочу быть такъ жестокосердна! Я издамъ каталогъ моей красоты; сдѣлаю опись – и каждая частица, каждый кусочекъ будетъ приложенъ къ моему завѣщанію, какъ напримѣръ, первое: довольно алыя губы; второе: пара голубыхъ глазъ, при нихъ и рѣсницы; третье: шея, подбородокъ и такъ далѣе. Что? вы присланы для оцѣнки?

Віола.

О, я васъ вижу въ настоящемъ видѣ:
Вы непомѣрно горды! Но хоть будь
Самъ дьяволъ заключенъ въ васъ – вы прекрасны.
Мой повелитель любитъ васъ, синьора.
Такой любви нельзя не наградить,
Хотя бы вы, Оливія, носили
Корону безпримѣрной красоты.

Оливія.

Какъ любить онъ меня?

Віола.

Съ потокомъ слезъ,

520

Съ благоговѣніемъ, съ огнемъ молитвы,
Со вздохами, звучащими любовью.

Оливія.

Онъ знаетъ, что любить я не могу
Его, хотя считаю благороднымъ

И добрымъ, и богатымъ, и отважнымъ,
И знаю, что онъ молодостью свѣжей
И незапятнанной цвѣтетъ. Природа
Прекрасные дары въ прекрасной формѣ
Ему дала. А все же не могу я
Его любить. Что могъ бы ужъ давно
Онъ отгадать

Віола.

Когда бъ я васъ любилъ

Такъ горячо, мучительно и страстно,
Какъ мой монархъ, въ отказѣ вашемъ гордомъ
Я бъ никакого смысла не нашелъ –
Не понялъ бы его.

Оливія.

Но что бы

Вы сдѣлали?

Віола.

У вашего порога

Я выстроилъ бы хижину изъ ивы,
Взывалъ бы день и ночь къ моей царицѣ,
Писалъ бы пѣсни о моей любви
И громко пѣлъ бы ихъ въ тиши ночей;
По холмамъ пронеслось бы ваше имя,
И эхо повторило бъ по горамъ:
«Оливія». Вамъ не было бъ покоя
Межъ небомъ и землей, пока бы жалость
Не овладѣла вашей душой.

Оливія.

Кто знаетъ, вы бы далеко зашли!
Откуда же вы родомъ?

Віола.

Жребій мой

Хотя и не тяжелъ, но родъ мой выше:
Я дворянинъ.

Оливія.

Идите же назадъ

Къ монарху вашему: его любить
Я не могу. Пусть онъ не присылаетъ
Опять ко мнѣ пословъ, иль развѣ вы
Придете извѣстить меня, какъ принялъ
Орсино мой отказъ. Прощайте.
Благодарю за трудъ. Вотъ вамъ на память.

Віола.

Нѣтъ, спрячьте кошелекъ – я не слуга:

Не мнѣ, а герцогу нужна награда.
Пусть камнемъ станетъ сердце челоуѣка,
Котораго вы будете любить!
Да презираетъ онъ твою любовь,
Какъ презираешь ты любовь Орсино!
Красавица жестокая, прощай. (*Уходитъ*).

Оливія.

А родомъ вы откуда? «Жребій мой
Хотя и не тяжель, но родъ мой выше:
Я дворянинъ». Клянусь, что это правда!
Твое лицо, пріемы, смѣлость, станъ,
Твои слова – вотъ твой богатый гербъ,
Оливія, не торопись, потише.
Но ежели бѣ слуга былъ господиномъ –
Ужели заразиться такъ легко?
Я чувствую, что юношескій образъ
Невидимо и осторожно вкрался
Въ мои глаза. Мальволио, гдѣ ты?

Мальволио *возвращается*.

Мальволио.

Я здѣсь, графиня! Что угодно?

Оливія.

Догони

Упрямаго посланника Орсино:
Онъ перстень здѣсь насильно мнѣ оставилъ.
Скажи, что я подарка не хочу.
Пусть герцогу не льститъ, пусть не ласкаетъ
Его пустой надеждой – никогда онъ
Оливію своей не назоветъ;
Когда жъ послу угодно завтра утромъ
Притти ко мнѣ, я объявлю причину.
Мальволио, спѣши!

Мальволио.

Сейчасъ, графиня.

(*Уходитъ*).

Оливія.

Что дѣлаю, сама того не знаю,
Мой глазъ не обольстилъ ли это сердце?
Свершай, судьба! Мы не имѣемъ воли,
И намъ судьбы своей не избѣжать.

(*Уходитъ*).

—

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Берегъ моря.

Входятъ Антоніо и Себастіанъ.

Антоніо. Такъ ты не хочешь оставаться долѣе и не позволяешь мнѣ итти съ тобою?

Себастіанъ. Съ твоего позволенія – нѣтъ. Темно свѣтитъ надо мной звѣзда моя. Злоба моей судьбы могла бы заразить и твою. Потому, прошу тебя, позволь мнѣ страдать одному. Я худо заплатилъ бы за твою любовь, подѣлившись съ тобою моимъ горемъ.

Антоніо. Хоть скажи, куда ты идешь?

Себастіанъ. Нѣтъ, извини. Мое путешествіе – прихоть. Но я замѣчаю въ тебѣ прекрасную черту скромности: ты не хочешь вынудить отъ меня мою тайну; тѣмъ охотнѣе я тебѣ откроюсь. Знай же, Антоніо: меня зовутъ Себастіаномъ, хоть я и называю себя Родериго. Отецъ мой былъ тотъ Себастіанъ изъ Мессалине, о которомъ ты, какъ мнѣ извѣстно, уже слышалъ. Онъ оставилъ меня и сестру, родившихся въ одинъ часъ. Зачѣмъ не угодно было Небу, чтобъ мы и въ одно время умерли? Ты помѣшалъ этому: за часъ до того, какъ ты

522

спасъ меня отъ бушующихъ волнъ, сестра моя утонула.

Антоніо. Боже!

Себастіанъ. Хоть и говорили, что она на меня очень похожа, однако многіе считали ее красавицей. Я, конечно, не могъ раздѣлять съ ними ихъ чрезмѣрнаго удивленія, однако смѣло скажу, что самая зависть должна была бы назвать ея сердце прекраснымъ. Она уже утонула въ соленой водѣ, а я топлю ея память снова въ соленыхъ слезахъ.

Антоніо. Не взыщи за плохой пріемъ.

Себастіанъ. О, добрѣйшій Антоніо, прости только мнѣ всѣ безпокойства!

Антоніо. Если ты не хочешь убить меня за мою дружбу, позволь мнѣ быть твоимъ слугою.

Себастіанъ. Если ты не хочешь уничтожить сдѣланнаго, то есть убить того, кому спасъ жизнь, такъ не требуй этого. Прощай однажды навсегда. Мое сердце такъ чувствительно – это наслѣдіе матери – что глаза мои при малѣйшемъ поводѣ наполняются слезами. Я иду ко двору графа Орсино. Прощай.

(Уходитъ).

Антоніо.

Благословеніе Неба будь съ тобою!

Врагами я богатъ въ дворцѣ Орсино,

Иначе скоро свидѣлся бѣ съ тобой.
Но что мнѣ въ томъ? я за тобой лечу!
Съ опасностями я играть хочу. (*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Улица.

Входитъ Віола; Мальволіо ее догоняетъ.

Мальволіо. Не вы ли были сейчасъ у графини Оливіи?

Віола. Я только-что отъ нея и шелъ такъ медленно, что успѣлъ дойти только до этого мѣста.

Мальволіо. Она возвращаетъ вамъ этотъ перстень. Вы могли бы избавить меня отъ труда и сами взять его съ собою. Она еще приказала васъ просить рѣшительно сказать вашему герцогу, что она отвергаетъ его предложенія. Еще одно: не осмѣливайтесь являться къ ней съ порученіями отъ герцога, развѣ придете извѣстить, какъ онъ это принялъ. Возьмите-же!

Віола. Она взяла у меня перстень – и я не приму его назадъ.

Мальволіо. Послушайте: вы дерзко бросили ей перстень – и ей угодно, чтобы онъ такъ же былъ возвращенъ. Если онъ стоитъ того, чтобъ нагнуться – такъ вотъ онъ, а если – нѣтъ, пусть возьметъ его первый прохожій.

(Бросаетъ перстень и уходитъ).

Віола.

Я не оставила ей никакого перстня!
Что это значить? Боже сохрани!
Не обольстила ли ее наружность?
Она такъ страстно на меня глядѣла,
Какъ-будто бы забыла о рѣчахъ.
Ея слова прерывисты такъ были!
Она меня – о, это вѣрно – любить!
Любовь хитра: она меня зоветъ
Черезъ посредство мрачнаго посла,
И перстня герцогъ ей не посылалъ!
Я – цѣль ея желаній. Если такъ,
То лучше бы любить ей сновидѣнье.
Ты одѣянье – хитрость, какъ я вижу,
Въ которой силенъ нашъ лукавый врагъ.
Какъ лицемѣру-младцу не трудно
На сердце женщины напечатлѣть
Свой образъ! Ах, не мы, а наша слабость
Тому причиной! Мы должны же быть
Такъ созданы. Чѣмъ кончится все это?

Оливію Орсино любить нѣжно;
Я, бѣдная, равно имъ плѣнена;
Она жъ, обманутая, полюбила,
Какъ кажется, меня. Что это будетъ?
Когда я юноша, мнѣ не питать
Надежды на любовь Орсино;
А если женщина, то, Боже, какъ напрасно
Должна Оливія по мнѣ вздыхать!
Ты этотъ узелъ разрѣшишь, о время!
А для меня онъ не по силамъ бремя.
(Уходитъ).

СЦЕНА III.

Комната въ домѣ Оливіи.

Входитъ сэръ Тоби, за нимъ сэръ Андрей.

Сэръ Тоби. Ступай сюда, сэръ Андрей! Не быть за полночь въ постели значить – рано вставать; а *diluculo surgere* - ты знаешь?

Сэръ Андрей. Нѣтъ, ей-богу, не знаю. А знаю, что долго не спать значить долго не спать.

Сэръ Тоби. Ложный выводъ, столько же для меня противный, какъ пустая бутылка. Просидѣть за полночь и потомъ итти спать – значить рано: такъ, стало-быть,

523

ложиться спать за полночь значить – рано ложиться. Развѣ наша жизнь не состоитъ изъ четырехъ элементовъ?

Сэръ Андрей. Говорятъ такъ; но я думаю, что она состоитъ изъ ѣды и питья.

Сэръ Тоби. Ты ученый. Давай же ѣсть и пить. Эй, Марія! вина!

Входитъ Шутъ.

Сэръ Андрей. Вотъ дуракъ, ей-богу!

Шутъ. Здорово, ребята! Видали вывѣску трехъ дураковъ?

Сэръ Тоби. Добро пожаловать, болванъ! Споемъ-ка хоромъ.

Сэръ Андрей. Ей-богу, славное горло у дурака! Я бы далъ полдюжины червонцевъ, когда бы у меня были такія икры и такой славный голосъ для пѣнья, какія имѣетъ дуракъ. Ей-ей! Ты вчера ввечеру хорошо дурачился, какъ рассказывалъ

о Пигрогромитусѣ и Вапіанахъ, что прошли за квебускую линію. Чудесно, ей-богу! Я послалъ тебѣ гривну для твоей любезной – получилъ ли ты?

Шутъ. Я спряталъ твой подарокъ въ карманъ, потому что Мальволиевъ носъ не плетъ, моя милая бѣлоручка, а мирмидонцы не полпивная лавочка.

Сэръ Андрей. Превосходно! Вотъ лучшія шутки, въ концѣ концовъ. Ну пой же!

Сэръ Тоби. Да, спой-ка. Вотъ тебѣ гривна: валяй!

Сэръ Андрей. Вотъ и отъ меня: коли одинъ даетъ гривну, я даю другую. Ну же, пой пѣсню!

Шутъ. Что жъ вамъ спѣтъ? любовную пѣсенку или нравоучительную и чинную?

Сэръ Тоби. Любовную! любовную!

Сэръ Андрей. Да; что мнѣ нравоученія!

Шутъ (*поетъ*).

Гдѣ ты, душенька, гуляешь?

Иль меня ты забываешь,

Что одинъ груститъ?

Кто тебя отсюда манитъ?

Часъ любви, повѣрь, настанетъ,

Быстро пролетитъ!

Сэръ Андрей. Чудесно, ей-богу!

Сэръ Тоби. Славно! славно!

Шутъ (*поетъ*).

Что любовь? Не за горами,

Не за лѣсомъ и полями,

Здѣсь она – лови!

Если медлишь – проиграешь,

Поцѣлуй мой потеряешь:

Не теряй, лови!

Сэръ Андрей. Медовый голосъ, клянусь моимъ дворянствомъ!

Сэръ Тоби. Соблазнительный голосъ!

Сэръ Андрей. Медовый и соблазнительный – ей-богу!

Сэръ Тоби. Такъ сладокъ, что даже тошно. Да что? не хватитъ ли такъ, чтобъ земля пошла въ присядку? Спугнемъ-ка филина хоромъ, который вытянулъ бы у ткача три души.

Сэръ Андрей. Пожалуйста, если вы меня любите. Я такъ люблю хоры, я на пѣсняхъ собаку съѣлъ! Начинайте:

Мошенникъ...

Шутъ. «Молчи, мошенникъ?» Да, вѣдь

тогда я долженъ буду назвать вашу милость – мошенникомъ.

Сэръ Андрей. Это уже я не въ первый разъ заставляю называть себя мошенникомъ. Начинай, шутъ! Оно начинается: «молчи!»

Шутъ. Я не могу начать молча.

Сэръ Андрей. Хорошо! ей-богу, хорошо! Ну, начинайте! (*Поютъ хоромъ*).

Входитъ Марія.

Марія. Это что за кошачій концертъ? Если графиня не позоветъ своего управителя Мальволио, чтобъ выгнать васъ изъ дому, такъ назовите меня чѣмъ угодно.

Сэръ Тоби. Графиня – родомъ изъ Китая, мы – дипломаты, а Мальволио – старая вѣдьма.

(*Поетъ*).

Вотъ три веселыхъ молодца!

Что я ей не родственникъ, что ли? Развѣ мы не одной крови съ твоей барышней? (*Поетъ*).

Сударыня, барыня...

Шутъ. Право, его милость славно дурачится.

Сэръ Андрей. Да, онъ на это мастеръ, когда расположенъ, и я тоже; но только онъ искуснѣе, как-то натуральнѣе.

Сэръ Тоби (*поетъ*).

Однажды зимнимъ вечеркомъ

Сошлись...

Марія. Ради Бога, молчите!

Входитъ Мальволио.

Мальволио. Взбѣсились вы, господа, что ли? Что это, у васъ ни стыда, ни совѣсти – шумѣтъ по ночамъ? Или вы принимаете домъ графини за трактиръ, что такъ немилосердно горланите ваши сапожническія пѣсни? Не знаете ни времени, ни мѣры.

Сэръ Тоби. И время, и мѣру наблюдали, сударь, въ нашей пѣснѣ. Убирайся къ чорту!

Мальволио. Сэръ Тоби, я долженъ поговорить съ вами на-чистую. Графиня поручила мнѣ сказать вамъ, что хотя вы и живете у нея, какъ родственникъ, но съ буйствомъ вашимъ она не хочетъ имѣть никакого дѣла. Если вы можете развязаться съ дурнымъ поведеніемъ, такъ она вамъ очень рада; если же нѣтъ и угодно вамъ съ ней проститься, такъ она очень охотно съ вами разстанется.

Сэръ Тоби (*поетъ*).

Прощай, душа! Твой другъ во путь идетъ!

Мальволио. Прошу васъ, сэръ Тоби...

Шутъ (*поетъ*).

И видно по лицу, что пропадаетъ.

Мальволио. Возможно ли...

Сэръ Тоби (*поетъ*).

Ты никогда, сэръ Тоби, не умрешь!

Шутъ (*поетъ*).

Протянешь ноги – врешь!

Мальволио. Это вамъ дѣлаетъ честь, право!

Сэръ Тоби (*поетъ*).

Не худо бы его прогнать?

Шутъ (*поетъ*).

Зачѣмъ? Ему къ лицу здѣсь постоять.

Сэръ Тоби (*поетъ*).

Прогнать его, мошенника, за дверь!

Шутъ (*поетъ*).

О, трусь! Да не посмѣешь же, повѣрь.

Сэръ Тоби. Я съ такту сбился, по твоему, пріятель! Совралъ! Что жъ ты за важная особа? Дворецкій! Или ты думаешь: потому что ты добродѣтеленъ, такъ не бывать на свѣтѣ ни пирогамъ, ни вину?

Шутъ. Да, клянусь святой Анной; и имбиремъ будутъ по прежнему обжигать ротъ.

Сэръ Тоби. Твоя правда. Проваливай-ка! Пѣтушишь въ лакейской. А подай-ка намъ винца, Марія!

Мальволио. Если бъ ты, Марія, хоть сколько нибудь дорожила милостью графини, такъ не потворствовала бы этому разврату. Она узнаетъ объ этомъ, вотъ мое слово! (*Уходитъ*).

Марія. Ступай! Помахивай ушами!

Сэръ Андрей. А было бы такъ же хорошо, какъ и выпить, проголодавшись, вызвать его на поединокъ, да и не явиться, и тѣмъ его одурачить.

Сэръ Тоби. Сдѣлай-ка это, дружище; я напишу тебѣ вызовъ, или на словахъ расскажу ему, какъ ты сердился.

Марія. Почтеннѣйшій сэръ Тоби, будьте потише только эту ночь. Молодой посоль отъ герцога опять былъ у нея и съ тѣхъ поръ ей совсѣмъ не по себѣ. А съ мусье Мальволио я справлюсь. Если я не сдѣлаю его притчей во языцѣхъ и посмѣшищемъ, такъ позволяю вамъ думать, что не сдумѣю лежать прямо въ постели. Я знаю, что могу это сдѣлать.

Сэръ Тоби. Расскажи же, Расскажи! Что ты о немъ знаешь?

Марія. Право, иногда кажется, какъ-будто онъ родъ пуританина.

Сэръ Андрей. О, если бъ я думалъ это, то прибилъ бы его, какъ собаку!

Сэръ Тоби. Какъ? за то, что онъ пуританинъ? Твои побудительныя причины, рыцарь?

Сэръ Андрей. Мои причины хоть и не побудительны, но, напротивъ, хороши.

Марія. Пусть себѣ будетъ – чтобъ его нелегкая взяла – пуританиномъ или чѣмъ угодно: все-таки онъ флюгеръ, что ходитъ за вѣтромъ; осель, который выучилъ наизусть высокопарныя рѣчи и сыплеть ихъ пригоршнями; ужасно доволенъ собою и совершенно увѣренъ въ томъ, что набить совершенствами; онъ свято вѣруеть, что кто на него ни взглянетъ, непременно въ него влюбится. Этотъ порокъ прекрасно поможетъ моему мщенію

Сэръ Тоби. Чтожъ ты думаешь сдѣлать?

Марія. Я подкину ему туманныя любовныя письма. Въ нихъ опишу я цвѣтъ его волосъ, форму ногъ, поступь, глаза, лобъ, черты лица – и онъ узнаетъ себя непременно. Я могу писать совершенно, какъ графиня, ваша племянница. Когда намъ попадется какая-нибудь забытая записка, такъ мы никакъ не можемъ различить нашего почерка.

Сэръ Тоби. Безподобно! Я уже чую, въ чемъ дѣло.

Сэръ Андрей. И мнѣ въ носъ ударило.

Сэръ Тоби. Онъ подумаетъ, что письма эти отъ моей племянницы и что она въ него влюблена.

Марія. Да, я, дѣйствительно, хочу выѣхать на этомъ конькѣ.

Сэръ Андрей. А, и этотъ конекъ сдѣлаетъ его осломъ.

Марія. Осломъ.

Сэръ Андрей. О, это чудесно будетъ!

Марія. Богатая штука! Ужъ повѣрьте: я знаю, мое зелье на него подѣйствуетъ. Я поставлю васъ двоихъ – шутъ будетъ третій – туда, гдѣ онъ долженъ найти письмо: замѣтте только, какъ онъ будетъ изъяснять его. На сегодня довольно; желаю, чтобъ вамъ приснилась наша шутка. Прощайте! (*Уходитъ*).

Сэръ Тоби. Прощай, амазонка.

Сэръ Андрей. Славная, на мои глаза, она дѣвка.

Сэръ Тоби. Хорошо дрессирована и обожаетъ меня; да въ этомъ ее нельзя винить.

Сэръ Андрей. И меня разъ какъ-то обожала!

Сэръ Тоби. Пойдемъ спать, сэръ. Не худо бы, если бъ тебѣ прислали денегъ.

Сэръ Андрей. Если мнѣ не удастся жениться на твоей племянницѣ, такъ я крѣпко обчелся.

Сэръ Тоби. Вели только прислать денегъ; если же она не будетъ, наконецъ, твоею, такъ назови меня лошадыю.

Сэръ Андрей. Если я этого не сдѣлаю, такъ я безчестный человѣкъ. Понимай, какъ хочешь.

Сэръ Тоби. Пойдемъ, пойдемъ! Я приготовлю грогу. Ложиться уже поздно. Идемъ, братъ, идемъ! (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Комната во дворцѣ герцога.

Входятъ герцогъ, Віола, Куріо и другіе.

Герцогъ.

По звукамъ стосковался я. Здорово!
Цезаріо мой добрый, сдѣлай милость,
Спой ту старинную, простую пѣснь
Вчерашней ночи. Грусть мою какъ-будто
Она отвѣяла и дальше, и свѣжѣй,

526

Чѣмъ красныя слова воздушныхъ арій,
Плѣняющихъ собой нашъ пестрый вѣкъ.
Одну строфу, одну строфу всего лишь!
Куріо. Извините, государь: того, кто могъ бы спѣть ее, здѣсь нѣтъ.
Герцогъ. Кто же это пѣлъ?
Куріо. Шутъ Фестъ, шутъ, который восхищалъ, бывало, отца Оливіи. Но онъ,
вѣрно, гдѣ-нибудь близко.

Герцогъ.

Сыщите же его; а между тѣмъ
Сыграйте тотъ напѣвъ неотразимый.

(Куріо уходитъ. Музыка.)

Цезаріо, когда полюбишь ты,
Въ страданьяхъ сладкихъ вспомни обо мнѣ.
Какъ я, всѣ любящіе своенравны,
Измѣнчивы въ движеніяхъ души.
Одно въ нихъ держится непоколебимо:
То – образъ милой, глубоко любимой.
Что, нравится ль тебѣ напѣвъ?

Віола.

Прекрасно!

Какъ эхо, раздается онъ въ чертогахъ,
Гдѣ царствуетъ любовь.

Герцогъ.

Твои слова

Искусно выражаютъ чувство страсти,
Ручаюсь жизнью! Какъ ни молодъ ты,
Но ты уже искалъ въ глазахъ любимой

Отвѣта на любовь – не такъ ли?

Віола.

Да,

Немного, государь.

Герцогъ.

Ну, какова жъ

Твоя любезная?

Віола.

На васъ похожа.

Герцогъ.

Не стоитъ же она тебя. Какъ молода?

Віола.

Почти что вашихъ лѣтъ.

Герцогъ.

Стара!

Жена должна избрать себѣ постарше;

Тогда она прилѣпится къ супругу,

И будетъ царствовать въ его груди.

Какъ мы себя, Цезаріо, не хвалимъ,

А наши склонности непостояннѣй,

Чѣмъ женщины любовь.

Віола.

Я тѣхъ же мыслей.

Герцогъ.

Такъ избери подругу помоложе,

А иначе любовь не устоитъ.

Вѣдь, женщины, какъ розы:

Чуть расцвѣла –

Ужъ отцвѣла,

И милыхъ нѣтъ цвѣтовъ!

Віола.

Да, жребій ихъ таковъ!

Не доцвѣтатъ,

А умирать.

Ихъ жизнь – мгновенье, слезы.

Куріо *возвращается съ шутомъ.*

Герцогъ.

Ну, спой-ка пѣснь вчерашней ночи, другъ!
Замѣть – она старинная, простая.
Крестьянки на полѣ, собирая хлѣбъ,
Иль, кружево сплетая, молодежи
Поютъ ее; она не мудрена
И сладкою невинности любовью
Играетъ, какъ простая старина.

Шутъ. Прикажете начать?
Герцогъ. Да, пожалуйста, спой.

Шутъ (*поетъ*).

Смерть, скорѣй прилетай, прилетай: –
Кипарисами гробъ мой обвить!
Жизнь, скорѣй улетай, улетай:
Я красавицей гордой убить!

Плющомъ украсьте саванъ мой,
Посмертный мой вѣнецъ!
Никто съ любовію такой
Не встрѣтитъ свой конецъ.

Нѣтъ, нѣжныхъ, прекрасныхъ цвѣтовъ
Не бросайте на черный мой гробъ
И во прахъ не склоняйте головъ,
Не укрывшій дерновый сугробъ!

Чтобъ было некому по мнѣ вздыхать,
Заройте трупъ мой въ прахъ!
Чтобъ другу гробъ мой не сыскать,
Забудьте о слезахъ!

Герцогъ. Вотъ тебѣ за труды.

Шутъ. Что за трудъ, государь? Я нахожу удовольствіе въ пѣсняхъ.

Герцогъ. Такъ возьми за удовольствіе.

Шутъ. Пожалуй: за удовольствіе, рано или поздно, мы должны расплатиться.

Герцогъ. Позволь мнѣ тебя уволить.

Шутъ. Да осѣнитъ тебя богъ меланхоліи, а портной сошьетъ тебѣ платье изъ двучичной тафты! Твой духъ – опаль, играющій всѣми цвѣтами. Людей съ твоимъ постоянствомъ надобно бы посылать въ море, чтобъ они занимались всѣмъ, не находя нигдѣ цѣли, потому что, когда не знаешь, куда итти, то зайдешь всего дальше. Прощайте! (*Уходитъ*).

Герцогъ.

Оставьте насъ.

(Куріо и придворные уходятъ).

Цезарь, еще разъ

Иди къ неограниченно-жестокой;
Скажи ей, что моя любовь надъ міромъ
Возвышена, какъ небо надъ землей:
Ей пыльныхъ областей земныхъ не нужно.
Скажи, что всѣ ея дары, богатства,
Ей счастьемъ данные, въ моихъ глазахъ
Ничтожны и измѣнчивы, какъ счастье.
Лишь онъ, тотъ царь-алмазь, тотъ образъ-чудо,
Въ который Богъ ея оправилъ душу,
Меня прельстилъ, меня къ ней приковалъ.

Віола.

Однако жъ, если, государь, она
Не можетъ васъ любить?

Герцогъ.

Такой отвѣтъ

Не принимаю я.

Віола.

Но вы должны.

Положимъ, дѣвушка влюбилась въ васъ –
Какая, можетъ быть, и есть на свѣтѣ –
И сердце ноетъ у нея по васъ,
Какъ ваше по Оливіи; положимъ,
Что вы не можете ее любить,
Что вы ей это говорите – что жъ,
Отвѣтъ вашъ не должна ль она принять?

Герцогъ.

Грудь женщины не вынесетъ той бури,
Такого страсти урагана, какъ въ моемъ
Грохочетъ сердцѣ; женщины душа
Мала, чтобъ умѣстить въ себѣ такъ много.
Онѣ непостоянны; ихъ любовь
Желаньемъ только можетъ называться;
Она въ крови у нихъ, а не въ душѣ,
И вслѣдъ за ней отягощаютъ сердце
И пресыщеніе, и тошнота.
Моя жъ, какъ море, голодна любовь –
Ея не насытишь! О, не равняй

Мою къ Оливіи любовь съ любовью,
Что можетъ женщина ко мнѣ питать!

Віола.

Однако же я знаю...

Герцогъ.
Что ты знаешь?

Скажи.

Віола.

Мнѣ слишкомъ хорошо извѣстно,
Какъ женщина способна полюбить.
Ихъ сердце такъ же вѣрно, какъ и наше.
Дочь моего родителя любила,
Какъ, можетъ быть, я полюбила бѣ васъ,
Когда бы слабой женщиной была.

Герцогъ.

А жизнь ея?

Віола.

Пустой листокъ, мой государь:
Она ни слова о своей любви
Не проронила, тайну берегла,
И тайна, какъ червякъ, сокрытый въ почкѣ,
Питалась пурпуромъ ея ланить.
Задумчива, блѣдна, въ тоскѣ глубокой,
Какъ геній христіанскаго терпѣнья,
Изсѣченный на камнѣ гробовомъ,
Она съ улыбкою глядѣла на тоску –
Иль это не любовь? Конечно, намъ,
Мужчинамъ, легче говорить и клясться;
Да наши обѣщанья выше воли:
Велики въ клятвахъ мы, въ любви – ничтожны.

Герцогъ.

Сестра твоя скончалась отъ любви?

Віола.

Я – вотъ всѣ дочери и сыновья
Изъ дома моего отца. При всемъ томъ
Не знаю я... Да не пора ль къ графинѣ?

Герцогъ.

Да, вотъ въ чемъ дѣло! Живо, поспѣшай!
Вручи ей отъ меня вотъ этотъ перстень
И повтори ей, что моя любовь

Не вынесетъ отказа иль отсрочки.

(Уходятъ).

СЦЕНА V.

Садъ Оливіи.

Входятъ сэръ Тоби, сэръ Андрей и Фабіанъ.

Сэръ Тоби. Ступай сюда, синьоръ Фабіанъ.

Фабіанъ. Конечно, пойду. Если я пророню

528

хоть одинъ гранъ этой шутки, такъ пусть изъ меня сдѣлають похлебку на меланхоліи.

Сэръ Тоби. Не порадуешь ли тебя, что эта протоканалья осрамится съ головы до ногъ?

Фабіанъ. Я торжествовалъ бы! Ты знаешь: однажды онъ лишилъ меня милости графини, по случаю медвѣжьей травли.

Сэръ Тоби. На зло жъ ему, медвѣдя еще разъ спустятъ, и мы не оставимъ на немъ живого волоска. Не такъ ли, сэръ Андрей?

Сэръ Андрей. Если мы не сдѣлаемъ этого, то – да сжалится надъ нами Небо!

Входитъ Марія.

Сэръ Тоби. Вотъ и бѣсенокъ. Ну, что, мое индійское золото?

Марія. Станьте втроемъ за кустъ: Мальволіо идетъ этой дорогой. Онъ съ полчаса стоялъ тамъ, на солнцѣ, и кривлялся передъ собственною тѣнью. Ради Бога, примѣчайте за нимъ! Я знаю, это письмо превратитъ его въ философствующаго болвана. Тише, ради всего веселаго! *(Мужчины прячутся).* Ты лежи здѣсь. *(Она бросаетъ письмо).* Вонъ плыветъ рыбка, которую надо поймать на удочку. *(Уходитъ).*

Входитъ Мальволіо.

Мальволіо. Все только счастье – одно счастье. Марія сказала мнѣ однажды, что графиня ко мнѣ равнодушна, и я самъ слышалъ, какъ сама она намекала довольно ясно, что если она влюбится, такъ въ человѣка съ такой фигурой, какъ у меня, со мною обращается она съ большимъ почтеніемъ, чѣмъ съ кѣмъ-либо изъ остальныхъ слугъ ея. Что мнѣ объ этомъ думать?

Сэръ Тоби. Надутая скотина!

Фабіанъ. Тсъ! Эти умствованія превращають его въ великолѣпнѣйшаго изъ индійскихъ пѣтуховъ. Экъ онъ надувается въ своихъ перьяхъ!

Сэръ Андрей. Ей-ей, такъ бы и прибилъ этого мошенника!

Сэръ Тоби. Тише!

Мальволио. Быть графомъ Мальволио...
 Сэръ Тоби. О, скотъ!
 Сэръ Андрей. Пулю въ лобъ ему, пулю!
 Сэръ Тоби. Тише, тише!
 Мальволио. Есть примѣры: обергофмейстерина вышла за камердинера.
 Сэръ Андрей. Погибни, Іезавель!
 Фабіанъ. Тише! Теперь онъ окунулся по уши. Смотрите, какъ воображеніе его надуваетъ.
 Мальволио. Три мѣсяца прошли ужъ послѣ нашей свадьбы – и я сижу въ великолѣпномъ креслѣ.
 Сэръ Тоби. О, если бы пустить въ него камнемъ изъ лука.
 Мальволио. Сзываю вокругъ себя моихъ чиновниковъ, сижу въ бархатномъ, цвѣтистомъ халатѣ, только-что вставъ съ постели, гдѣ оставилъ Оливію спящею...
 Сэръ Тоби. Громъ и молнія!
 Фабіанъ. Тсъ! тсъ!
 Мальволио. Потомъ находитъ барскій капризъ: осматриваешь ихъ важнымъ взоромъ, говоришь имъ «я знаю свое мѣсто, такъ и вы знайте свое» и, наконецъ, спрашиваешь о сэрѣ Тоби.
 Сэръ Тоби. Адъ и проклятіе!
 Фабіанъ. О, тише! тише! Теперь слушай!
 Мальволио. Семеро изъ моихъ слугъ

529

съ раболѣпною поспѣшностью бросаются за нимъ. Я, между-тѣмъ, наморщиваю лобъ, завожу, можетъ-быть, мои часы или играю драгоцѣннымъ перстнемъ. Сэръ Тоби входитъ, отвѣшиваетъ мнѣ свой поклонъ...
 Сэръ Тоби. Неужели оставить его въ живыхъ?
 Фабіанъ. Молчи, хоть бы лошадыми тянули изъ тебя слова.
 Мальволио. Такъ протягиваю я ему руку и благосклонную улыбку подавляю строгимъ взглядомъ неудовольствія...
 Сэръ Тоби. И Тоби не ударитъ тебя въ рожу?
 Мальволио. И говорю: “mon cher Тоби, такъ какъ судьба соединила меня съ твоею племянницею, то я имѣю право сдѣлать тебѣ слѣдующія замѣчанія...”
 Сэръ Тоби. Что? какъ?
 Мальволио. Ты долженъ оставить пьянство...
 Сэръ Тоби. Оселъ!
 Фабіанъ. Потерпите, пожалуйста, а то, вѣдь, мы все испортимъ.
 Мальволио. Кромѣ того, ты тратишь драгоцѣнное время съ болваномъ.
 Сэръ Андрей. Это я – будьте увѣрены.
 Мальволио. Какимъ-то сэръ Андреемъ...
 Сэръ Андрей. Я очень хорошо зналъ, что это я, потому что многіе называютъ меня болваномъ.
 Мальволио. Это что такое? (*Поднимаетъ письмо*).

Фабіанъ. Вотъ рыбка и на удочкѣ.

Сэръ Тоби. Тсъ! И да внушить ему духъ шутки читать вслухъ!

Мальволио. Клянусь жизнью, это почеркъ моей графини! Это, точно, ея Люди, Земля и Добро; она точно такъ пишетъ большіе Покои. Это ея рука...

Сэръ Андрей. Ея люди, земля и добро... къ чему это?

Мальволио (*читаетъ*). «Нѣизвѣстному предмету любви моей это письмо и дружескій привѣтъ». Это совершенно ея слогъ. Постой – и печать ея: Лукреція, которую она обыкновенно употребляетъ. Это графиня! Къ кому бы это?

Фабіанъ. Завязъ съ душой и тѣломъ!

Мальволио. (*читаетъ*).

Богамъ извѣстно, я люблю!

Одну мечту лелѣю!

Кого люблю – я не скажу

Признаться въ томъ не смѣю.

«Признаться въ томъ не смѣю!» Что дальше? Еще стихи! «Признаться въ томъ не смѣю!» Если бы это былъ ты, Мальволио!

Сэръ Тоби. Повѣситъ тебя, собаку!

Мальволио (*читаетъ*).

Я рождена повелѣвать

Тому, къ кому душой пылаю;

Но не могу тебя назвать

И молча по тебѣ страдаю,

М. О. А. И.,

Кумиръ моей души.

Фабіанъ. Безтолковая загадка!

Сэръ Тоби. Чудесная дѣвка!

Мальволио. «М. О. А. И., кумиръ моей души». Сначала, однако жъ... Посмотримъ! посмотримъ!

Фабіанъ. Экъ она его разлакомила!

Сэръ Тоби. Попался соколикъ!

Мальволио.

Я рождена повѣлевать

Тому, къ кому душой пылаю.

Ну, конечно, она можетъ мнѣ повелѣвать, я ей служу, она моя госпожа – это ясно для всякаго здраваго ума: тутъ затрудненій нѣтъ. А конецъ? Что бы значилъ этотъ порядокъ буквъ? Если бы мнѣ удалось, такъ или иначе, приладить ихъ ко мнѣ. Постой! М. О. А. И.

Сэръ Тоби. Ну, догадывайся! Попалъ на слѣдъ!

Фабіанъ. Борзая залаяла, какъ будто почуяла лисицу.

Мальволио. М. – Мальволио – М... Ну, этимъ начинается мое имя.

Фабіанъ. Не сказалъ ли я, что онъ отыщеть свое? У него удивительное чутье.

Мальволио. М. – Но тогда нѣтъ согласія съ слѣдующимъ: дальше изъяснять нельзя; должно бы стоять А, а стоитъ О.

Фабіанъ. Этимъ О, надѣюсь все и кончится.

Сэръ Тоби. Да, или я стану бить его, пока онъ не закричитъ: «о!»

Мальволио. А за нимъ слѣдуетъ Азъ.

Фабіанъ. Если бы у тебя былъ хоть одинъ глазъ позади, ты увидѣлъ бы больше стыда за собою, чѣмъ счастья впереди.

Мальволио. М. О. А. И. – это ужъ не такъ ясно, какъ сначала; однако жъ, немножко поворочать, такъ можно приладить ко мнѣ: въ моемъ имени есть каждая изъ этихъ буквъ. Но вотъ слѣдуетъ проза. (*Читаетъ*).

«Если это письмо попадетъ въ твои руки – обдумай. Звѣзда моя возвышаетъ меня надъ тобою, но не бойся величія. Одни – родятся великими, другіе пріобрѣтаютъ величіе, а инымъ его бросаютъ. Судьба простираетъ надъ тобой свою десницу! Душой и тѣломъ вѣпись въ свое счастье; а чтобъ привыкнуть къ тому, чѣмъ ты имѣешь надежду сдѣлаться, сбрось эту смиренную оболочку и явись превращеннымъ. Будь грубъ съ моимъ родственникомъ, ворчи на прислугу; изъ устъ твоихъ да звучать рѣчи политическія; веди себя странно. Это совѣтуетъ тебѣ та, которая по тебѣ вздыхаетъ. Вспомни, кто хвалилъ твои желтые чулки, кто всегда желалъ тебя видѣть съ на-крестъ застегнутыми подвязками – я говорю тебѣ: вспомни! смѣлуй! Счастье къ твоимъ услугамъ, если ты этого хочешь. Если нѣтъ, то оставайся навсегда дворецкимъ, товарищемъ лакеевъ и недостойнымъ коснуться руки Фортуны! Прощай. Та, которая хотѣла бы помѣняться съ тобою своимъ званіемъ. *Счастливая Несчастливица*».

Свѣтъ солнечный не яснѣе! Это очевидно. Я буду гордымъ; буду читать политическія книги; ниспровергну сэра Тоби; очищу себя отъ низкихъ знакомствъ; до послѣдняго волоска стану такимъ, какъ должно. Теперь я не обманываю себя: воображеніе не имѣетъ надо мною никакой власти. На дняхъ она хвалила мои желтые чулки, восхищалась моими подвязками; здѣсь открывается она въ любви и тонкимъ намекомъ заставляетъ меня одѣваться по ея вкусу. Благодарю звѣзду мою – я счастливъ! Я буду странень, гордъ, стану носить желтые чулки, на-крестъ застегивать подвязки... Да будутъ благословенны боги и мое созвѣздіе! Вотъ еще приписка.

«Ты не можешь не догадаться, кто я. Если ты отвѣчаешь на любовь мою – знакомъ да будетъ твоя улыбка. Тебѣ такъ къ лицу, когда ты улыбаешься, и потому, прошу тебя, улыбайся всегда въ моемъ присутствіи».

Боги! благодарю васъ! Я буду улыбаться, буду дѣлать все, чего ты ни потребуешь. (*Уходитъ*).

Фабіанъ. Я не отдалъ бы моего участія въ этой потѣхѣ ни за тысячу годовыхъ доходовъ султана.

Сэръ Тоби. За эту штуку я готовъ бы жениться на этой дѣвкѣ.

Сэръ Андрей. И я бы женился...

Сэръ Тоби. И не взялъ бы другого приданого, кромѣ еще такой шутки.

Сэръ Андрей. И я не взялъ бы.

Марія *возвращается.*

Фабіанъ. Вотъ она, наше золото!

Сэръ Тоби. Послушай, амазонка, требуй, чего хочешь! Сдѣлай изъ меня табуретъ для твоихъ ногъ, если угодно...

Сэръ Андрей. Иль изъ меня.

Сэръ Тоби. Иль прикажи мнѣ проиграть въ шашки мою свободу и сдѣлаться рабомъ твоимъ.

Сэръ Андрей. Иль мнѣ сдѣлаться...

Сэръ Тоби. Ты погрузила его въ такой сонъ, что когда его видѣнія исчезнутъ, онъ непременно сойдетъ съ ума.

Марія. Нѣтъ, оно не шутя подѣйствовало на него?

Сэръ Тоби. Какъ водка на старую бабу.

Марія. Такъ если вы хотите увидѣть плоды нашей шутки, замѣтьте появленіе его при графинѣ. Онъ придетъ въ желтыхъ чулкахъ, а она ненавидитъ этотъ цвѣтъ; подвязки будутъ застегнуты на-крестъ, а она этого терпѣть не можетъ; онъ будетъ глядя на нее, улыбаться, а это такъ мало гармонируетъ съ ея грустью, что онъ лишится всей ея милости. Если хотите взглянуть на это, такъ идите за мною.

Сэръ Тоби. До воротъ самаго ада, несравненный дьяволъ остроумія.

Сэръ Андрей. И я до воротъ. (*Уходятъ*).

531

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Садъ Оливіи.

Входятъ Віола и шутъ съ барабаномъ.

Віола. Здравствуй, другъ, съ твоей музыкой! Каково поживаешь ты при барабанѣ?

Шутъ. Я поживаю, сударь, при церкви.

Віола. Развѣ ты церковникъ?

Шутъ. Нѣтъ, не то; а проживаю я при церкви потому, что проживаю въ моемъ домѣ, а домъ мой стоитъ при церкви.

Віола. Да этакъ ты, пожалуй, можешь сказать, что церковь выстроена при барабанѣ, если барабанъ стоитъ подлѣ нея.

Шутъ. Правда, сударь. Вотъ вѣкъ насталь! Для умной головы всякая рѣчь, какъ карманъ: мигомъ вывернетъ на изнанку.

Віола. Ты не шутъ ли Оливіи?

Шутъ. Нисколько. У Оливіи нѣтъ дурачества, и она до тѣхъ поръ не будетъ держать у себя шута, пока не выйдетъ замужъ; а шуты относятся къ мужьямъ, какъ сардинка къ селедкамъ: мужъ наибольшій изъ двухъ. Собственно, я не шутъ ея, а слововыворачиватель.

Віола. На дняхъ я видѣлъ тебя у графа Орсино.

Шутъ. Глупость, какъ солнце, бродитъ вокругъ свѣта и свѣтитъ повсюду. Жаль, если дуракъ не будетъ посѣщать вашего господина такъ же часто, какъ мою госпожу. Кажись, я видѣлъ у нея вашу премудрость.

Віола. Если ты хочешь смѣяться надо мной, такъ мнѣ нечего больше съ тобой толковать. Вотъ тебѣ на водку.

Шутъ. Да подарить тебѣ Зевсъ для бороды первый клочъ, который у него сыщется!

Віола. *(про себя)*. Да, я почти изнываю по ней, хотя и не желала бы, чтобъ она росла на моемъ подбородкѣ. *(Громко)*. Графиня дома?

Шутъ. *(указывая на деньги)*. А что? можетъ эта пара прижить дѣтей?

Віола. И очень: стоитъ только ихъ свести.

Шутъ. Я охотно сыгралъ бы роль Пандара, чтобъ этого Троила свести съ Крессидой.

Віола. Понимаю: ты искусно нищенствуешь.

Шутъ. Кажется, не велика штука! Я прошу только о нищей. Крессида была нищая. Графиня дома, сударь. Я расскажу ей, откуда вы; кто же вы и чего вы хотите – это внѣ моей «сферы»; я могъ бы сказать «горизонта», да это слово уже больно истерто.

(Уходитъ).

Віола.

Да, этотъ молодецъ смыслень довольно –

Играть роль дурака; а чтобы ловко

Ее сыграть, такъ надобно умѣнье.

Онъ долженъ знать и обстоятельства, и нравъ,

И лица тѣхъ людей, надъ кѣмъ смѣется.

Какъ соколъ, долженъ онъ летѣть стрѣлой

На всякую изъ птицъ, предъ нимъ парящихъ.

И, право, это ремесло не легче

Искусства мудрымъ быть. Когда дуракъ

Дурачиться, ему дурачество къ лицу,

Но ужъ никакъ пристать не можетъ мудрецу.

Входятъ сэръ Тоби и сэръ Андрей.

Сэръ Тоби. Здравствуйте!

Віола. Мое почтеніе.

Сэръ Андрей. Dieu vous garde, monsieur.

Віола. Et vous aussi, votre serviteur.

Сэръ Андрей. Надѣюсь, что такъ – и я къ вашимъ услугамъ.

Сэръ Тоби. Вы хотите войти въ домъ? Племянница моя желаетъ васъ видѣть, если у васъ есть до нея дѣло.

Віола. Я очень ей обязанъ... я хочу сказать: я обязанъ итти къ ней.

Сэръ Тоби. Такъ ноги въ карманъ – и маршъ!

Віола. Мои ноги понимаютъ меня лучше, чѣмъ я ваше выраженіе.

Сэръ Тоби. Да, я просто хочу сказать: идите.

Віола. Я отвѣчу вамъ дѣломъ; но насъ предупредили.

Входятъ Оливія и Марія.

Віола. Очаровательная, несравненная графиня! Небо да ниспошлетъ на васъ дождь благоуханій!

Сэръ Андрей. Этотъ молодой человѣкъ отличный придворный. Дождь благоуханій! Прекрасно!

Віола. Мое порученіе безмолвно для всѣхъ, графиня, кромѣ вашего благосклоннаго и снисходительнаго слуха.

Сэръ Андрей. Благоуханіе! Благосклонное! Снисходительная! Замѣчу всѣ три.

Оливія. Затворите садовую дверь и оставьте насъ. Я хочу его выслушать.

(Сэръ Тоби, сэръ Андрей и Марія уходятъ).

Оливія. Позвольте вашу руку.

Віола.

Повелѣвайте мной, графиня: я
Къ услугамъ вашимъ.

Оливія.

Имя ваше какъ?

Віола.

Цезарь – имя вашего слуги,
Прелестная графиня.

Оливія.

Мой слуга?

Не радовался свѣтъ еще ни разу,
Когда учтивостью считали лесть.
Вы, юноша, слуга Орсино.

Віола.

А онъ вашъ!

Слуга же вашего слуги обязанъ
И вашимъ быть, графиня.

Оливія.

Я о немъ

Не думаю: его же мысли лучше
Пусть будутъ неисписаннымъ листкомъ,
Чѣмъ мной наполнены.

Віола.

Графиня, я

Пришелъ, чтобъ ваши помыслы склонить
Къ нему, чье сердце полно...

Оливія.

Извините,

О немъ я говорить вамъ запретила.
Но если есть у васъ другая просьба,
Я выслушаю ваше предложеніе
Охотнѣй, чѣмъ музыку сферъ.

Віола.

Графиня...

Оливія.

Позвольте на минуту! Прошлый разъ
Вы здѣсь произвели очарованье,
И я за вами вслѣдъ послала перстень;
Я этимъ обманула и себя,
И моего слугу, и, вѣрно, васъ.
Теперь невыгодному толкованью
Я подвергаюсь, навязавши вамъ
Съ лукавствомъ недостойнымъ эту вещь,
Принадлежащую не вамъ. Ну, что же?
Вы что подумали? Вы честь мою
Мишенью сдѣлали – и полетѣли
Въ нее всѣ необузданныя мысли;
Какъ стрѣлы, изъ души властолюбивой?
Для прозорливаго ума, какъ вашъ,
Я обнаружила довольно: сердце
Мое прикрито дымкою – не грудью.
Такъ говорите же теперь и вы.

Віола.

Я сожалею...

Оливія.

Это шагъ къ любви.

Віола.

Ни на вершокъ; изъ опыта мы знаемъ,
Что часто сожалеютъ о врагахъ.

Оливія.

Такъ, стало-быть, опять пора смѣяться!
 Какъ возгордиться нищему легко!
 Но если должно пасть добычей, лучше
 Попасться въ когти льву, чѣмъ въ зубы волку.
(Бьютъ часы).

Звонъ колокольчика напомнилъ мнѣ,
 Что я теряю время. Успокойтесь:
 Я не желаю васъ, мой другъ. Когда же
 Въ васъ молодость и умъ созрѣютъ, будетъ
 Завидный у супруги вашей мужъ.
 Вашъ путь идетъ туда, на западъ.

Віола.

Итакъ, на западъ! Васъ да осѣнятъ
 Дары небесъ, веселіе и счастье!
 А государю моему ни слова?

Оливія.

Скажи, что думаешь ты обо мнѣ?

Віола.

Я думаю, душа въ васъ говоритъ:
 «Оливія – не то, что есть».

Оливія.

Такъ знай:

Я то же думаю и о тебѣ.

Віола.

Вы не ошиблись: я – не я, синьора.

Оливія.

Желала бы тебя я видѣть тѣмъ,
 Чѣмъ я хочу.

Віола.

Когда бы я тогда

Сталъ чѣмъ-нибудь получше – я того
 Желалъ бы; а теперь я вашъ дуракъ.

Оливія.

О, сколько прекраснаго въ этихъ устахъ,
 Когда на перловыхъ въ кораллѣ зубахъ
 Змѣются насмѣшка и гнѣвъ, и презрѣнье!
 Любовь, ты не долго свое откровенье

Таишь, какъ сознанье кровавой вины.
Цезарь, клянусь тебѣ розой весны,
Клянусь непорочной души чистотою
И всѣмъ, что священо – любовью святою,
Тебя полюбила я, какъ ты ни гордъ!
Мой умъ передъ сердцемъ безъ силы простертъ.
Зачѣмъ же себя оградилъ ты молчаньемъ,
Когда я сгораю безумнымъ желаньемъ?
Цезаріо, сладко въ любви тосковать,
Но слаще отвѣтъ на любовь отыскать!

Виола.

Клянусь моей юностью, въ этой груди
Есть сердце и вѣрность; но ими владѣть
Не женщина. Кромѣ меня не посмѣетъ
Никто воцариться на тронѣ души.
Прощайте, графиня. Впередъ я не стану
Описывать графа сердечную рану. (*Уходитъ*).

Оливія.

Вернись! Мое сердце ты можешь склонить
Любовью, мнѣ чуждою, графа любить!
(*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Комната въ домѣ Оливіи.

Входятъ сэръ Тоби, сэръ Андрей и Фабіанъ.

Сэръ Андрей. Нѣтъ, ей-богу, я не останусь ни минуты дольше.

Сэръ Тоби. Почему, великолѣпная ярость? Скажи, почему?

Фабіанъ. Вы непрѣменно должны сказать намъ причину, сэръ Андрей.

Сэръ Андрей. Ну, я видѣлъ твою племянницу: она гораздо была ласковѣе съ слугою графа, чѣмъ со мной когда-нибудь. Тамъ въ саду я это видѣлъ.

Сэръ Тоби. А видѣла она тогда тебя, старый ребенокъ? Ну, говори!

Сэръ Андрей. Ясно, какъ я теперь васъ.

Фабіанъ. Это сильное доказательство, что она васъ любитъ.

Сэръ Андрей. Чортъ возьми! Хотите вы сдѣлать изъ меня осла?

Фабіанъ. Я докажу вамъ это законнымъ порядкомъ; умъ и разумъ присягнуть въ этомъ.

Сэръ Тоби. А они были присяжными, когда еще Ной не плавалъ въ ковчегѣ.

Фабіанъ. Она любезничала съ этимъ молодцомъ въ нашихъ глазахъ единственно для того, чтобъ пробудить спящее мужество, наполнить огнемъ вашу

грудь и пламенемъ сердце. Вамъ бы тогда подойти и заставить молчать этого молодца самыми лучшими и свѣжими, какъ съ иголки, шутками. Этого отъ васъ ожидали – и обманулись. Вы позволили времени смыть двойную позолоту этого случая, и въ мнѣніи графини поплыли на сѣверъ, гдѣ и будете висѣть, какъ ледяная сосулька на бородѣ голландца, пока не исправите дѣла какимъ-нибудь отличнымъ порывомъ храбрости или тонкою политикой.

Сэръ Андрей. Коли надо этому быть, такъ надо, чтобъ храбростію. Политику я ненавижу. По моему лучше ужъ быть пуританиномъ, чѣмъ заниматься политикой.

Сэръ Тоби. Пожалуй, построимъ твое счастье на основаніи храбрости. Такъ вызови жъ графскаго посла на дуэль и изрань

535

его въ одиннадцати мѣстахъ. Племянница моя узнаетъ объ этомъ и – будь увѣренъ – что никакая сваха въ мірѣ не отрекомендуетъ тебя женщинѣ такъ хорошо, какъ слава храбрости.

Фабіанъ. Другого средства не остается, сэръ Андрей.

Сэръ Андрей. Согласенъ кто-нибудь изъ васъ отнести къ нему мой вызовъ?

Сэръ Тоби. Иди и напиши его рукою Марса, дерзко и кратко. До остроумія дѣла нѣтъ: было бы краснорѣчиво да замысловато. Разрутай его во весь листъ. Не помѣшаетъ, если ты ему «тыкнешь» съ поддюжины разъ. Сади ложъ на ложъ, сколько ихъ умѣстится на листѣ бумаги, будь онъ длиной въ простыню на кровать въ Уорѣ, въ Англіи. Ступай, да смотри, чтобы въ чернилахъ твоихъ нашлось довольно желчи, хоть ты и пишешь гусинымъ перомъ. Но это не важность. За дѣло!

Сэръ Андрей. Гдѣ мнѣ васъ найти?

Сэръ Тоби. Мы позовемъ тебя ex cubiculo. Иди только.

(Сэръ Андрей уходитъ).

Фабіанъ. Дорогой это для тебя человѣкъ, сэръ Тоби.

Сэръ Тоби. Да и я ему не дешево пришелся: тысячи въ двѣ-три.

Фабіанъ. Мы получимъ отъ него рѣдкость – не письмо; но, вѣдь, ты его не отдашь?

Сэръ Тоби. Ужъ, конечно, нѣтъ; но всетаки буду подстрекать молодца вытти на его вызовъ. Я думаю, ихъ волами не стащишь вмѣстѣ. Что же касается нашего рыцаря, такъ если его вскроютъ и найдутъ въ немъ крови блохъ на завтракъ – я готовъ съѣсть все остальное.

Фабіанъ. Да и противникъ его, этотъ молодой человѣкъ, судя по лицу, не обѣщаетъ особенной свирѣпости.

Входитъ Марія.

Сэръ Тоби. Смотри: вотъ и соловей нашъ!

Марія. Хотите заболѣть отъ смѣха, такъ пойдемте со мной. Этотъ болванъ Мальволио сдѣлался идолопоклонникомъ, настоящимъ ренегатомъ. Никакой мусульманинъ, уповающій на блаженство въ своей вѣрѣ, не вѣруетъ въ такую кучу глупѣйшихъ вещей. Онъ уже въ желтыхъ чулкахъ.

Сэръ Тоби. И съ подвязками на-крестъ?

Марія. Да, и гуляетъ точно цапля въ болотѣ. Я шла за нимъ тайкомъ, какъ воръ, и знаю, что онъ сообразуется съ каждой буквой моего письма. Едва улыбнется онъ, какъ на лицѣ его является больше линій, чѣмъ на новой картѣ съ обѣими Индіями. Вы не можете себѣ представить всего этого, и я едва могла удержаться, чтобъ не швырнуть ему что-нибудь въ голову. Я увѣрена, что графиня дастъ ему пощечину, а онъ, улыбаясь, приметъ это, какъ особенную милость.

Сэръ Тоби. Пойдемъ, пойдемъ! Веди насъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Улица.

Входятъ Антоніо и Себастіанъ.

Себастіанъ.

Я не хотѣлъ тебя беспокоить;
Но если этотъ трудъ тебѣ не въ тягость,
Такъ я тебя не стану и бранить.

Антоніо.

Тебя покинуть я не могъ; желанье,
Острѣйшее зубчатой стали шпоръ,
Меня погнало за тобою слѣдомъ,
И не одна охота повидаться –
Хотя и этого уже довольно,
Чтобы завлечь меня въ далекій путь –
Но также и забота, каково
Ты совершишь свой путь, страны не зная,
Которая чужому, безъ друзей
И безъ путеводителя, нерѣдко
Является угрюмою пустыней.
Вотъ опасенія мои, и съ ними
Моя любовь тѣмъ больше поспѣшила
Вслѣдъ за тобой.

Себастіанъ.

Мой добрый другъ Антонъ,

Благодарю, благодарю, благодарю –
Вотъ все, чѣмъ отвѣчать тебѣ могу я.
За добрыя услуги часто платятъ
Такой невыгодной монетой... Да,
Будь кошелекъ мой полонъ, какъ душа,
Ты лучшую награду получилъ бы.

Ну, чѣмъ заняться? Не пойти ли въ городъ
Взглянуть на древности его?

Антоніо.

До завтра:

Сперва квартиру надо поискать.

Себастіанъ.

Я не усталъ, и до ночи далеко.

536

Пожалуйста, порадуемъ нашъ взоръ;
Пойдемъ взглянуть на славныя строенья
И монументы города.

Антоніо.

Нѣтъ, извини:

Мнѣ здѣсь по улицамъ ходить опасно.
Въ морскомъ сраженіи съ кораблями графа
Разъ удалось мнѣ службу сослужить
Такую, что ужъ мнѣ не оправдаться,
Когда бъ имъ удалось меня поймать.

Себастіанъ.

Ты много истребилъ его людей?

Антоніо.

Нѣтъ, мой проступокъ не такой кровавый,
Хоть обстоятельства и споръ могли
Быть поводомъ кроваваго убійства.
Конечно, дѣло можно было сладить
Вознагражденіемъ отнятыхъ вещей;
Да большая часть нашихъ добрыхъ гражданъ
И поступила такъ, торговли ради;
Но я не захотѣлъ. Итакъ, мой другъ,
Мнѣ дорого придется покаянье,
Когда меня поймають здѣсь теперь.

Себастіанъ.

Такъ не ходи жъ по улицамъ такъ явно.

Антоніо.

И не пойду. На, вотъ мой кошелекъ.
Квартиры лучшія въ предмѣстьи Юга.
Въ гостиницѣ подъ вывѣской Слона
Я закажу обѣдъ, а ты покамѣсть
Умножь познанья, исходивши городъ,
И время за носъ поводи. Меня
Найдешь въ гостиницѣ.

Себастіанъ.
Къ чему мнѣ кошелекъ?

Антоніо.
На случай, если что-нибудь себѣ
Купить захочешъ, то чтобъ не нуждаться.
Себастіанъ.
Итакъ, твоимъ я буду казначеемъ.
Прощай же.

Антоніо.
Жду подъ вывѣской Слона.

Себастіанъ.
Явлюсь – не позабуду. (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Садъ Оливіи.

Входятъ Оливія и Марія.

Оливія.
За нимъ послала я. Когда придетъ онъ,
Какъ угостить его? чѣмъ подарить?
Для молодости золото такъ мило!
Я говорю такъ громко! Гдѣ Мальвольо?
Онъ вѣжливъ и торжественъ. Въ этомъ дѣлѣ
Такой слуга съ руки. Мальвольо!

Марія.
Онъ
Идетъ сюда, графиня; только страненъ
До крайности. Онъ, вѣрно, помѣшался.

Оливія.
Что случилось съ нимъ? Онъ бредитъ?

Марія.
Нѣтъ, нисколько:

Онъ только улыбается. Не худо,
Чтобъ кто-нибудь, графиня, былъ при васъ
На всякій случай. Право, онъ рехнулся.

Оливія.
Поди-ка позови его скорѣй.

(Марія уходитъ).

И я безумная, какъ онъ, когда

Веселое безумство сходно съ грустнымъ.

Марія *возвращается* съ Мальволио.

Оливія. Какъ поживаешь, Мальволио?

Мальволио (*улыбаясь изыскано*). Прелестная графиня! хе!-хе!

Оливія. Ты улыбаешься? А я позвала тебя по серьезному дѣлу.

Мальволио. По серьезному, графиня? Конечно, я могъ бы быть серьезнымъ, такъ-какъ эти подвязки на-крестъ останавливаютъ и сгущаютъ кровь. Впрочемъ, что за дѣло? Если же это пріятно взорамъ одной, то я готовъ повторить этотъ правдивый сонетъ: «Когда я нравлюся одной, то нравлюсь всѣмъ, само-собой»!

Оливія. Что съ тобою, Мальволио? Здоровъ ли ты?

Мальволио. У меня не черная душа, хотя и желтые чулки. Письмо въ моихъ рукахъ, и повелѣнія должны быть исполнены. Надѣюсь, я знаю этотъ прекрасный латинскій почеркъ.

Оливія. Не лечь ли тебѣ въ постель, Мальволио?

Мальволио. Въ постель? Да, душа моя, я приду къ тебѣ.

537

Оливія. Господь съ тобой! Съ какой стати ты улыбаешься и безпрестранно посылаешь воздушные поцѣлуи?

Марія. Какъ ваше здоровье, Мальволио?

Мальволио. Вамъ желательно знать? Но развѣ соловьи отвѣчаютъ сорокамъ?

Марія. Что это значитъ, что вы являетесь къ графинѣ съ такимъ смѣшнымъ безстыдствомъ?

Мальволио. «Не бойся величія». Это было прекрасно сказано.

Оливія. Что ты хочешь этимъ сказать, Мальволио?

Мальволио. «Одни родятся великими»...

Оливія. Ну?

Мальволио. «Другіе пріобрѣтаютъ величіе».

Оливія. Что ты говоришь?

Мальволио. «А инымъ его бросаютъ».

Оливія. Да поможетъ тебѣ Небо!

Мальволио. «Вспомни, кто хвалилъ твои желтые чулки»...

Оливія. Твои желтые чулки?

Мальволио. «Кто желалъ тебя видѣть съ на-крестъ завязанными подвязками»...

Оливія. Съ подвязками на-крестъ?

Мальволио. «Смѣлѣй: счастье къ твоимъ услугамъ, если ты только хочешь»...

Оливія. Къ моимъ услугамъ?

Мальволио. «Если жъ нѣтъ, такъ оставайся навсегда слугою».

Оливія. Да это совершенное безуміе!

Входитъ слуга.

Слуга. Ваше сіятельство, молодой кавалеръ отъ графа Орсино пришелъ снова, и я едва уговорилъ его подождать. Онъ ожидаетъ вашихъ приказаній.

Оливія. Сейчасъ приду. (*Слуга уходитъ*). Любезная Марія, пожалуйста, позаботься объ этомъ человѣкѣ. Гдѣ Тоби? Пусть двое изъ моихъ людей хорошенько за нимъ присматриваютъ. Ни за что въ мірѣ не желала бы я, чтобъ съ нимъ случилось какое-нибудь несчастье. (*Оливія и Марія уходятъ*).

Мальволио. А-га! еще яснѣе! Да-съ! Не кто-нибудь, а самъ сэръ Тоби долженъ обо мнѣ заботиться, что совершенно согласно съ письмомъ. Она нарочно посылаетъ его ко мнѣ, чтобъ я обошелся съ нимъ грубо, о чемъ сказано и въ письмѣ. «Сбрось эту смиренную оболочку», пишетъ она: «и будь грубъ съ моимъ родственникомъ, ворчи на прислугу; изъ устъ твоихъ да звучатъ рѣчи политическія; веди себя странно». И прибавляетъ затѣмъ, что при этомъ необходимы: «серьезное лицо, важная поступь, медленная рѣчь, на манеръ вельможъ» и тому подобное. Попалась, голубушка! Конечно, это милость боговъ, и боги найдутъ меня благодарнымъ. А слова при уходѣ: «позаботьтесь объ этомъ человѣкѣ» Не о Мальволио, не о дворецкомъ, а о человѣкѣ! Да все въ наилучшей гармоніи: ни скрупула, ни грана сомнѣнія, никакого препятствія, никакого невѣроятнаго или двусмысленнаго обстоятельства. Что тутъ возразить? Ничто не можетъ стать между мною и далекой перспективой моихъ надеждъ. Боги, а не я, совершили это – и имъ принадлежитъ благодареніе.

Марія возвращается съ сэромъ Тоби и Фабіаномъ.

Сэръ Тоби. Гдѣ онъ, во имя всего святаго? Я заговорю съ нимъ, хотя бы въ него вселились всѣ бѣсы ада, хотя бы имъ обладалъ цѣлый легіонъ ихъ.

Фабіанъ. Вотъ онъ! вотъ онъ! Чо съ вами, сударь? что съ вами, почтеннѣйшій?

Мальволио. Ступайте – я отпускаю васъ. Оставьте меня наслаждаться моимъ уединеніемъ. Ступайте прочь!

Марія. Прислушайтесь, какъ глухо говоритъ въ немъ лукавый! Не говорила ли я вамъ? Сэръ Тоби, графиня проситъ васъ позаботиться о немъ.

Мальволио. Э-ге! въ самомъ дѣлѣ?

Сэръ Тоби. Тише, тише! съ нимъ должно обходиться ласково. Оставьте – ужъ я знаю какъ. Что съ тобою, Мальволио? Здоровъ ли ты? Что жъ, другъ мой, сатанѣ должно противиться; подумай, вѣдь, онъ врагъ человѣка.

Мальволио. Знаете ли вы, что вы говорите?

Марія. Видите, какъ онъ принимаетъ къ сердцу, когда говорятъ худо о сатанѣ! Дай Богъ, чтобъ онъ не былъ заколдованъ!

Фабіанъ. Показать бы его мочу ворожеѣ.

Марія. Завтра же утромъ, непременно. Графиня ни за что въ мірѣ не хотѣла бы его лишиться.

Мальволио. Ты думаешь?

Марія. О, Господи!

Сэръ Тоби. Пожалуйста, замолчи! Это совсѣмъ не то, и развѣ вы не видите, что вы его только раздражаете? Оставьте: ужъ я одинъ справлюсь.

Фабіанъ. Не иначе, какъ ласково: лукавый золъ и не терпитъ возраженій.

Сэръ Тоби. Ну, что ты подѣливаешь,

538

голубокъ мой? Какъ поживаешь, мой цыпленочекъ?

Мальволио. Милостивый государь!

Сэръ Тоби. Поди сюда! Цыпъ, цыпъ! Нѣтъ, сударь, важному человѣку не пристало играть съ сатаною въ бабки. Изыди, окаянный!

Марія. Заставьте его проговорить молитву, добрѣйшій сэръ Тоби, заставьте его молиться.

Мальволио. Молиться, выдра?

Марія. Видите, я вамъ говорила: онъ и слышать не хочетъ о страхѣ божіемъ.

Мальволио. Убирайтесь на висѣлицу! Болваны, ничтожныя твари, не къ вашей сферѣ принадлежу я. Вы еще обо мнѣ услышите. (*Уходитъ*).

Сэръ Тоби. Возможно ли?

Фабіанъ. Если представить на сценѣ, я бы назвалъ это, можетъ быть, неправдоподобной выдумкой.

Сэръ Тоби. Голова его биткомъ набита нашей шуткой.

Марія. Такъ не отставляйте отъ него, чтобъ шутка наша не выдохлась.

Фабіанъ. Право, мы его сведемъ съ ума.

Марія. Тѣмъ покойнѣе будетъ въ домѣ.

Сэръ Тоби. Пойдемъ, свяжемъ его и засадимъ въ темную комнату. Племянница моя уже увѣрена, что онъ сошелъ съ ума, и мы можемъ продолжать нашу шутку себѣ на потѣху, а ему на покаяніе до тѣхъ поръ, пока намъ самимъ надобѣсть; а тогда можно и сжалиться. Мы поведемъ дѣло судебнымъ порядкомъ, а ты, амазонка, его освидѣтельствуй. Смотри!

Входитъ сэръ Андрей.

Фабіанъ. Еще потѣха!

Сэръ Андрей. Вотъ вамъ вызовъ: читайте! Ручаюсь, что соли и перцу довольно.

Фабіанъ. Ужели онъ такъ дерзко написанъ?

Сэръ Андрей. Ну – да, ручаюсь. Прочтите только.

Сэръ Тоби. Подай сюда. (*Читаетъ*). «Молодой человѣкъ! Кто бы ты ни былъ, ты все таки собака».

Фабіанъ. Изящно и храбро!

Сэръ Тоби (*читаетъ*). «Не удивляйся и не изумляйся въ душѣ своей, почему я тебя такъ называю, такъ-какъ не говорю тебѣ причины».

Фабіанъ. Славный крючекъ! На нѣтъ и суда нѣтъ.

Сэръ Тоби. (*читаетъ*). «Ты приходишь къ графинѣ Оливіи, и она любезничаютъ съ тобою въ моихъ глазахъ. Но ты лжешь – я тебя вовсе не за это вызываю».

Фабіанъ. Удивительно кратко и удивительно безсмысленно!

Сэръ Тоби (*читаетъ*). «Я подстерегу тебя на возвратномъ пути домой, и если ты будешь столько счастливъ, что убьешь меня»...

Фабіанъ. Славно!

Сэръ Тоби (*читаетъ*). «То ты убьешь меня, какъ мерзавецъ и мошенникъ».

Фабіанъ. Ты все отъ выстрѣла въ сторону.

Сэръ Тоби (*читаетъ*). «Прощай – и Господь да помилуетъ одну изъ нашихъ душъ! Онъ можетъ помиловать и мою; но я надѣюсь на лучшее. Итакъ – берегись! Твой другъ, смотря по тому, какъ ты меня встрѣтишь, или твой заклятый врагъ – Андрей Эгчикъ». Если это письмо его не взорветъ, такъ его и порохомъ не сдвинешь съ мѣста. Я отдамъ ему его.

Марія. Вы сейчасъ можете это сдѣлать: онъ теперь разговариваетъ съ графиней и скоро уйдетъ.

Сэръ Тоби. Ступай, сэръ Андрей, и подстереги его у садовой рѣшетки, какъ охотникъ зайца. Только что увидишь его, обнажи шпагу и окати его потокомъ ужаснѣйшихъ ругательствъ. Часто случается, что какъ проревешь медвѣжьимъ басомъ самую наиужаснѣйшую ругань, такъ прослывешь храбрымъ гораздо больше, чѣмъ отъ настоящаго дѣла. Маршъ!

Сэръ Андрей. Ну, ужъ ругаться я съумѣю.

(*Уходитъ*).

Сэръ Тоби. Письма-то я, конечно, не отдамъ. Обращеніе этого молодого человѣка доказываетъ, что онъ уменъ и хорошо воспитанъ, да и посредничество его между господиномъ и моею племянницею подтверждаютъ это. Итакъ, письмо не испугаетъ его, такъ какъ оно глупо, какъ нельзя болѣе, и онъ тотчасъ смекнетъ, что оно написано осломъ. Вмѣсто того, я изустно передамъ ему вызовъ, наговорю съ три короба о храбрости Андрея и поселю въ немъ высокое мнѣніе о его ярости, ловкости и вспыльчивости. Онъ такъ молодъ, что повѣритъ всему. Это обоихъ ихъ такъ перепугаетъ, что они уничтожатъ другъ друга глазами, какъ василиски.

Входятъ Оливія и Віола.

Фабіанъ. Вотъ онъ съ твоей племянницей. Оставимъ его съ ней проститься, а тамъ и на приступъ.

539

Сэръ Тоби. А между тѣмъ я выдумаю самыя страшныя выраженія для вызова.
(*Сэръ Тоби, Фабіанъ и Марія уходятъ*).

Оливія.

Ужъ слишкомъ много высказала я
Для сердца каменнаго. Честь мою
Я необдуманно опасности подвергла:

Меня въ проступкѣ что-то укоряетъ,
Но онъ такъ необузданъ и силенъ,
Что насмѣхается надъ укоризной.

Виола.

Какъ душу вамъ снѣдаетъ злая страсть,
Такъ отъ нея мой господинъ страдаетъ.

Оливія.

Прошу, носите изъ любви ко мнѣ
Вотъ этотъ перстень: это мой портретъ.
Не откажите – мучить васъ не станетъ
Онъ болтовней своей – и приходите,
Прошу васъ, завтра поутру опять.
Въ какой изъ просьбъ могу я отказать,
Когда она не оскорбляетъ чести?

Виола.

Прошу любви одной для господина.

Оливія.

Отдать могу ли безъ ущерба чести
Я графу то, что вамъ ужъ отдала?

Виола.

Я разрѣшаю.

Оливія.

Хорошо; но завтра

Будь здѣсь. Злой духъ такой, какъ ты, другъ мой,
Способенъ въ адъ увлечь меня съ собой!

(Уходитъ).

Сэръ Тоби и Фабіанъ возвращаются.

Сэръ Тоби. Здравствуй, молодой человѣкъ!

Виола. Здравствуйте, сударь.

Сэръ Тоби. Какое бы оружіе съ тобою ни было, изготовь его. Какого рода обиду ты ему нанесъ – я не знаю; но твой противникъ, разъяренный и кровожадный, какъ охотникъ, ожидаетъ тебя у конца сада. Шпагу наголо! Не мѣшай! Твой непріятель скоръ, ловокъ и убійственъ.

Виола. Вы ошибаетесь, сударь: я увѣренъ, что у меня ни съ кѣмъ нѣтъ ссоры. Память моя не представляетъ мнѣ никакой нанесенной мною обиды.

Сэръ Тоби. Увѣряю васъ, что вы увѣритесь въ противномъ, и если вы хоть сколько-нибудь дорожите своею жизнью, будьте осторожны: на сторонѣ вашего противника всѣ выгоды, какія только можетъ доставить молодость, сила, ловкость и гнѣвъ.

Виола. Скажите же, пожалуйста, кто онъ?

Сэръ Тоби. Онъ рыцарь, возведенный въ это достоинство прикосновеніемъ незабуреннаго меча на шитомъ коврѣ; но въ поединкѣ онъ сущій чортъ: онъ уже

трижды отдѣлилъ душу отъ тѣла – и гнѣвъ его въ эту минуту такъ непримиримъ, что нѣтъ ему другого удовлетворенія, кромѣ смерти и похоронъ. Валяй! Девизъ его: «или панъ, или пропалъ!»

Виола. Я возвращусь въ домъ и выпрошу у графини провожатыхъ. Я не забѣяка. Слышалъ, правда, что есть люди, которые нарочно завязываютъ ссоры съ другими въ доказательство своей храбрости. Можетъ быть, и онъ того же десятка.

Сэръ Тоби. Нѣтъ, сударь: гнѣвъ его основанъ на существенной обидѣ. Итакъ – впередъ! Вы должны съ нимъ драться. Вы не войдете въ домъ, не подравшись со мною, а драться вы можете все равно и съ нимъ. Итакъ, впередъ, или обнажайте сейчасъ вашу шпагу. Драться вы должны – это рѣшено, или должны навсегда отказаться отъ права носить шпагу.

Виола. Это столько же неучтиво, какъ и странно. Сдѣлайте мнѣ одолженіе, спросите, чѣмъ я его обидѣлъ. А если случилось, то, вѣрно, безъ умысла, по неосторожности.

Сэръ Тоби. Извольте! Фабианъ, останься съ нимъ, пока я ворочусь. (*Уходитъ*).

540

Виола. Вы, милостивый государь, знаете что нибудь объ этой ссорѣ?

Фабианъ. Я знаю только, что онъ очень на васъ золъ и будетъ драться не на жизнь, а на смерть. Больше мнѣ ничего неизвѣстно.

Виола. Скажите, что онъ за человѣкъ?

Фабианъ. Наружность его не обѣщаетъ ничего необыкновеннаго; но на дѣлѣ узнаете его мужество. По-истинѣ, онъ самый ловкій, кровожадный и опасный соперникъ во всей Иллиріи. Угодно вамъ итти ему на встрѣчу: я васъ помирю, если возможно.

Виола. Я бы вамъ былъ очень благодаренъ. По мнѣ, лучше имѣть дѣло со священникомъ, чѣмъ съ рыцаремъ: я не забочусь о томъ, считаютъ ли меня храбрымъ. (*Уходитъ*).

СЦЕНА V.

Улица подлѣ сада Оливіи.

Входятъ сэръ Тоби и сэръ Андрей.

Сэръ Тоби. Да, братецъ, это чортъ, а не человѣкъ! Я еще не видывалъ такого рубаки. Я пошелъ-было съ нимъ на ножнахъ – такъ, для пробы; но онъ выпадаетъ съ такою дьявольскою быстротою, что хотъ брось, и если онъ отпарировалъ, то наноситъ ударъ так же вѣрно, какъ нога касается земли, когда сдѣлаешь шагъ. Онъ былъ, говорятъ, первымъ фехтовальщикомъ у турецкаго султана.

Сэръ Андрей. Чортъ возьми! Я не хочу съ нимъ драться!

Сэръ Тоби. Да ужъ теперь онъ самъ нейдетъ назадъ. Фабіанъ едва его тамъ сдерживаетъ.

Сэръ Андрей. Провались онъ! Если бъ я зналъ, что онъ такой бойкій и мастеръ драться, такъ чортъ бы его взялъ прежде, чѣмъ я его вызвалъ. Постарайся только, чтобъ онъ бросилъ это дѣло – и я дамъ ему моего сѣраго жеребца.

Сэръ Тоби. Пожалуй, я сдѣлаю ему это предложеніе. Погоди здѣсь – и держи себя бодрѣе. (*Въ сторону*). Это кончится безъ крови и убійства. А на твоей лошаdkѣ я поѣду такъ же, какъ и на тебѣ, дружокъ.

Входитъ Фабіанъ и Віола.

Сэръ Тоби (*Фабіану*). Онъ даетъ свою лошадь за мировую. Я увѣрилъ его, что этотъ молокососъ чуть не самъ дьяволъ.

Фабіанъ (*сэру Тоби*). А тотъ столь же высокаго мнѣнія о нашемъ рыцарѣ. Онъ блѣденъ и дрожитъ, какъ-будто у него медвѣдь за спиною.

Сэръ Тоби (*Віолѣ*). Нѣтъ спасенія, сударь: онъ непремѣнно хочетъ съ вами драться, потому что поклялся. Что же касается ссоры, такъ онъ одумался и видитъ теперь, что дѣло не стоитъ порядочнаго слова. Итакъ, обнажите шпагу, чтобъ дать ему возможность не нарушить своей клятвы. Онъ увѣряетъ, что не нанесетъ вамъ вреда.

Віола (*въ сторону*). Боже, еще немного – и я признаюсь, какой я мужчина.

Фабіанъ. Когда замѣтите, что онъ разгорячился, то отступайте.

Сэръ Тоби. Что, братъ Андрей, нѣтъ спасенія? Впрочемъ, онъ хотѣлъ сразиться съ тобою только чести-ради, такъ какъ безъ этого нельзя обойтись по законамъ дуэли; но онъ далъ мнѣ свое рыцарское слово, что не причинить тебѣ вреда. Живѣй же!

Сэръ Андрей. Дай Богъ, чтобъ онъ сдержалъ свое слово! (*Обнажаетъ шпагу*).

Віола (*обнажая шпагу*). Увѣряю васъ, что это противъ моей воли.

Входитъ Антоніо.

Антоніо (*сэру Андрею*).

Стой – и въ ножны вложите вашу шпагу!

Когда васъ этотъ юноша обидѣлъ,

Я за него дерусь; а если вы

Его обидѣли, такъ васъ зову на бой.

Сэръ Тоби.

Какъ, сударь, вы? Да вы-то кто такой?

Антоніо.

Я тотъ, кто больше за своихъ друзей

На дѣлѣ дѣлаетъ, чѣмъ говоритъ.

Сэръ Тоби (*обнажая шпагу*). Если вы такой забіяка, такъ я къ вашимъ услугамъ.

Входятъ двое полицейскихъ.

Фабіанъ. Остановись, Тоби! Чортъ полицію принесь.

Сэръ Тоби (*къ Антонію*). Мы послѣ поговоримъ.

Віола (*сэру Андрею*). Вложите вашу шпагу, если вамъ угодно.

Сэръ Андрей. Ей-богу – угодно! А что до того, что я вамъ обѣщалъ, такъ я сдержу мое слово. Онъ хорошо выѣзженъ и не тугоуздь.

541

1-ый полицейскій. Вотъ онъ: исполняй свою обязанность.

2-ой полицейскій

По повелѣнью герцога, подъ стражу

Я васъ беру.

Антонію.

Любезный, вы ошиблись!

1-ый полицейскій.

Ничуть: я васъ немедленно узналъ,

Хоть вы теперь и не въ матросской шапкѣ.

Бери его: онъ знаетъ, что я знаю.

Антонію (*Віолѣ*).

Я повинуюсь: это же случилось

Все оттого, что я пошелъ искать васъ.

Что жъ дѣлать, другъ: пришлось поплатиться!

Что предпринять намѣрены вы? Я жъ,

Гонимый нуждой, долженъ васъ просить

Мнѣ кошелекъ, вамъ данный, возвратить.

О, мысль, что я помочь ужъ вамъ не въ силѣ,

Грызеть меня сильнѣе, чѣмъ арестъ!

Я удивилъ васъ. О, не унывайте!

2-ой полицейскій. Пожалуйте, сударь.

Антонію.

Я принужденъ просить васъ возвратить

Хоть часть изъ вамъ мной данныхъ денегъ.

Віола.

Деньги!

За теплое участіе ко мнѣ,

Которое вамъ много повредило

И довело отчасти до тюрьмы,

Я удѣлить готовъ вамъ половину

Изъ скудныхъ средствъ моихъ.

Антоніо.

Ужель отречься

Рѣшились вы? Ужель мои услуги
Я долженъ вамъ доказывать словами?
Не искушайте горя моего
И устъ моихъ дойти не заставляйте
До вычисленья ихъ предъ вами здѣсь!

Віола.

Увы, изъ нихъ не знаю ни одной,
Да и лицо мнѣ ваше незнакомо;
Неблагодарность же мнѣ ненавистнѣй лжи
И хвастовства, и гордости, и пьянства,
И всѣхъ другихъ пороковъ, что живутъ
И властвуютъ въ крови, какъ острый ядъ.

542

Антоніо.

О, правосудный Богъ!

2-ой полицейскій.

Пойдемте, сударь!

Прошу итти.

Антоніо.

Постой – два слова только!

Стоящаго здѣсь юношу межъ вами
Я выхватилъ почти изъ пасти смерти,
Берегъ его съ любовію святой,
И предъ его наружностью склонялся,
Надѣясь духъ подъ ней найти высокій.

1-ый полицейскій.

Что намъ до этого за дѣло? Время
Летитъ стрѣлой – и намъ пора итти.

Антоніо.

И истуканомъ стало божество!
Ты свѣтлый ликъ навѣкъ свой обезчестилъ,
Себастіанъ! Природу очернила
Твоя душа: она мнѣ заплатила
Неблагодарностью. Добро – есть красота,
Но зло прекрасное – есть пустота,
Одѣтая въ блестящую одежду.

1-ый полицейскій. Онъ съ ума сходитъ. Ведите его! Пойдемъ, пойдемъ!

Антоніо. Ведите.

(Уходитъ съ полицейскими).

Віола.

Онъ говорилъ такъ бурно. Вѣрить онъ
Своимъ словамъ; но я не вѣрю.
О если бѣ вы сбылись, мои мечты!
О если бѣ, братъ, изъ волнъ спасенъ былъ ты!

Сэръ Тоби.

Андрей и Фабіанъ, въ кабакъ направимъ путь,
Гдѣ, можетъ быть, втроемъ сриѣмемъ что-нибудь!

Віола.

Онъ называлъ меня Себастіаномъ!
Мой братъ былъ схожъ лицомъ со мною точно
И, какъ мое, носилъ такое жъ платье.
О, если рокъ осуществитъ надежду,
Тогда смерчи и гибельныя волны
Въ моихъ глазахъ любви будутъ полны!

(Уходитъ).

Сэръ Тоби. Самый безчестный, ничтожный молокососъ и болѣе трусливый,
чѣмъ заяцъ. Что онъ безчестенъ, это видно изъ того, что онъ оставилъ друга въ
нуждѣ и отрекся отъ него. Что же касается его трусости, то спроси о томъ у Фабіана.

Фабіанъ. Трусъ самый отъявленнѣйшій изъ всѣхъ трусовъ!

Сэръ Андрей. Чортъ возьми, догоню и отвалю его!

Сэръ Тоби. Дѣло! Колоти его, только не обнажай шпаги.

Сэръ Андрей. Еще бы не колотить!

Фабіанъ. Пойдемъ, посмотримъ, чѣмъ все это кончится.

Сэръ Тоби. Держу, что хочешь, что изъ этого все таки ничего не выйдетъ.
(Уходятъ).

543

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Улица передъ домомъ Оливіи.

Входятъ Себастіанъ и Шутъ.

Шутъ. Такъ вы хотите увѣрить меня, что я не къ вамъ посланъ.

Себастіанъ.

Довольно – ты, я вижу, ловкій парень,
И потому – оставь меня въ покоѣ!

Шутъ. Славно сыграно! Значить, я васъ не знаю, и графиня не къ вамъ меня послала, чтобъ пригласить къ ней на пару словъ, и зовутъ васъ не Цезаріо, и это не мой носъ. Словомъ – все не такъ, какъ оно есть.

Себастіанъ.

Поди и расточай свое безумье

Передъ другими. Ты меня не знаешь.

Шутъ. Расточать свое безумье! Это словечко подслышалъ онъ о какой-нибудь знатной особѣ и примѣняетъ его къ дураку. Расточать свое безумье! Право, того и смотри, что этотъ огромный болванъ, свѣтъ, сдѣлается моднымъ франтомъ. Пожалуйста, брось свои причуды и скажи, чѣмъ мнѣ слѣдуетъ расточиться передъ графинею? Не вѣстью ли о томъ, что ты придешь?

Себастіанъ.

Оставь меня въ покоѣ, глупый сводникъ!

Вотъ деньги – на, а не уйдешь – тебя

Я награжу и худшею монетой.

Шутъ. Клянусь честью, у тебя щедрая рука. Мудрецы, дающіе деньги дуракамъ, пріобрѣтаютъ тѣмъ себѣ добрую славу, если лѣтъ съ дюжину не перестаютъ набивать ихъ карманы.

Входятъ сэръ Тоби, сэръ Андрей и Фабіанъ.

Сэръ Андрей. А, сударь, попались! Вотъ вамъ! (*Бьетъ его*).

Себастіанъ (*бьетъ его*). А вотъ тебѣ и сдача. Да, здѣсь всѣ перебѣсились?

Сэръ Тоби. Остановись, или шпага твоя полетитъ къ чорту!

Шутъ. Сейчасъ все расскажу графинѣ. Я и за гривну не хотѣлъ бы сидѣть въ какой-нибудь изъ вашихъ шкуръ.

(Уходитъ).

Сэръ Тоби (*хватая Себастіана*). Перестаньте, будетъ!

Сэръ Андрей. Оставь его – я иначе съ нимъ расправляюсь: я подамъ на него жалобу и, если въ Иллиріи есть еще законы, обвиню его, хотя я и первый ударилъ, что, впрочемъ, вздоръ.

Себастіанъ. Прочь руку!

Сэръ Тоби. Э! не хочу – и дѣло съ концомъ. Шпагу въ ножны, герой! Хотя ты и храбръ, но все таки довольно.

Себастіанъ (*вырываясь*).

Все жъ вырвусь я. Ну, что теперь ты скажешь

Ступай, а нѣтъ – такъ шпагу вынимай.

(Обнажаетъ шпагу).

Сэръ Тоби. Что? что? Такъ, стало-быть, непременно нужно выпустить унца два твоей дерзкой крови? (*Обнажаетъ шпагу*).

Входитъ Оливія.

Оливія.

Стой, Тоби, если жизнью дорожишь!
Ужели никогда твои поступки
Не переменятся? Неблагодарный!
Ты сотворень, чтобъ жить въ глухихъ степяхъ,
Въ скалахъ, гдѣ общежитія не знаютъ.
Прочь съ глазъ моихъ! А ты не оскорбляйся,
Цезаріо мой добрый! *(Тоби)*. Прочь, дерзкій!
(Сэръ Тоби, Андрей и Фабіанъ уходятъ).

Мой милый другъ, не предавайся гнѣву
И сохрани владычество ума
Надъ этимъ грубымъ, дерзкимъ нападеніемъ
На твой покой. Пойдемъ: я расскажу
Тебѣ про шутки буйныя его –
И самъ же ты надъ ними посмѣешься.
Ты долженъ быть со мной – не откажи.
Будь проклятъ онъ! Тебя онъ оскорбилъ,
Въ тебѣ онъ сердце огорчилъ.

Себастіанъ.

Откуда этотъ вихрь, видѣній полный?
Въ безумствѣ я или въ глубокомъ снѣ?
Такъ усыпите жъ чувства, Леты волны!
Въ такихъ мечтахъ не пробудиться мнѣ!

544

Оливія.

Пойдемъ, пойдемъ! Иди за мною смѣло.

Себастіанъ.

Охотно.

Оливія.

Слово будетъ отнынѣ дѣло. *(Уходятъ)*.

СЦЕНА II.

Комната въ домѣ Оливіи.

Входятъ Марія и Шутъ.

Марія. Пожалуйста, надѣнь вотъ эту рясу, да прицѣпи бороду и увѣрь его, что ты отецъ Спиридонъ. Пospѣши, а я позову между тѣмъ Тоби. (*Уходитъ*).

Шутъ. Прекрасно: надѣну рясу и прикинусь попомъ. Да, впрочемъ, не первый я притворщикъ подъ такой рясой. Я не такъ важенъ, чтобъ могъ сдѣлать честь моему званію, и не такъ тощъ, чтобъ прослыть за ученаго; однако же быть честнымъ человѣкомъ и хорошимъ хозяиномъ не хуже, чѣмъ прослыть великимъ ученымъ. Но вотъ мои товарищи.

Входятъ сэръ Тоби и Марія.

Сэръ Тоби. Да благословитъ васъ Іегова, отецъ Спиридонъ!

Шутъ. *Вопos dies*, сэръ Тоби. Какъ сѣдовласый прагскій отшельникъ, не умѣвшій ни читать, ни писать, очень мудро сказалъ племянницѣ царя Горбодука: *то, что есть – есть*; такъ и я; поколику я патеръ Спиридонъ, потолику я патеръ Спиридонъ. Ибо что такое *то*, если не *то*, и есть, если не *есть*?

Сэръ Тоби. Поговорите съ нимъ, отецъ Спиридонъ.

Шутъ. Эй, кто тамъ? Да будетъ миръ въ сей темницѣ!

Сэръ Тоби. Каналья хорошо подражаетъ: ловкая каналья!

Мальволио (*за сценой*). Кто меня зоветъ?

Шутъ. Патеръ Спиридонъ, пришедшій посѣтитъ одержимаго бѣсомъ Мальволио.

Мальволио. Отецъ Спиридонъ, отецъ Спиридонъ, добрый отецъ Спиридонъ, сходите къ милэди!

Шутъ. Изыди, окаянный! Зачѣмъ истязуешь ты сего человѣка и говоришь только о лэди?

Сэръ Тоби. Премудро сказано, отецъ Спиридонъ!

Мальволио. Отецъ Спиридонъ, такъ жестоко еще никого вы не обижали. Отецъ Спиридонъ, не вѣрьте, что я сошелъ съ ума. Они засадили меня въ ужасную темноту.

Шутъ. Сатана нечистый! Я называю тебя нѣжнѣйшимъ изъ твоихъ именъ, ибо я одна изъ тѣхъ кроткихъ душъ, которыя даже и съ чортомъ обращаются вѣжливо. Ты говоришь, что въ комнатѣ темно?

Мальволио. Какъ въ аду, отецъ Спиридонъ.

Шутъ. Однако жъ въ ней есть окна, прозрачныя, какъ ставни и верхніе окна, что на сѣверо-югъ свѣтятъ, какъ черное дерево, а ты жалуешься на темноту.

Мальволио. Я не сумасшедшій, отецъ Спиридонъ: говорю вамъ, что эта комната темна.

Шутъ. Безумный, ты въ заблужденіи. Но я говорю, что нѣсть тьмы, кромѣ незнанія, въ которомъ ты погруженъ больше, чѣмъ египтяне въ ихъ туманахъ.

Мальволио. Я говорю, что эта комната темна, какъ незнаніе, будь оно темно, какъ самый адъ. Повторяю, что никого еще не обижали такъ жестоко. Я сумасшедшій столько же, какъ и вы. Испытайте это въ какомъ угодно толковомъ разговорѣ.

Шутъ. Въ чемъ состоитъ ученіе Пифагора касательно дикихъ утокъ?

Мальволіо. Въ томъ, что душа нашей бабушки можетъ жить въ уткѣ.
 Шутъ. Что ты думаешь объ этомъ ученіи?
 Мальволіо. Я считаю душу благородной и не причастенъ его ученію.
 Шутъ. Прощай! Оставайся во тьмѣ. Прежде, чѣмъ я признаю въ тебѣ здравый
 разсудокъ, ты долженъ признать ученіе Пифагора и бояться убить утку, чтобъ не
 изгнать души твоей бабушки. Прощай!
 Мальволіо. Отецъ Спиридонъ! отецъ Спиридонъ!
 Сэръ Тоби. Ай да отецъ Спиридонъ!
 Шутъ. Не правда ли, что мнѣ все къ лицу?
 Марія. Ты могъ бы окончить дѣло безъ рясы и бороды: онъ тебя не видитъ.
 Сэръ Тоби. Теперь заговори съ нимъ своимъ голосомъ и приди мнѣ сказать,
 какъ ты его найдешь. Какъ бы было хорошо развязаться съ этой шуткой добромъ!
 Если можно выпустить его кстати, такъ пусть-себѣ идетъ, потому что мои отношенія
 къ графинѣ теперь такъ дурны, что я не могу

545

безопасно дотянуть шутку до конца. Приходи ко мнѣ въ комнату.
(Сэръ Тоби и Марія уходятъ).

Шутъ *(поетъ)*.

Ваня, ты скажи
 Любитъ ли тебя
 Душенька твоя?

Мальволіо. Дуракъ!

Шутъ *(поетъ)*.
 Нѣтъ, не любитъ – разлюбила!

Мальволіо. Дуракъ!

Шутъ *(поетъ)*.
 Ой, за что жъ тебя забыла?

Мальволіо. Дуракъ, говорю я.

Шутъ *(поетъ)*.
 Знать, другого полюбила!

Мальволіо. Душа моя, шутъ, если ты хочешь крѣпко обязать меня, достань
 мнѣ свѣчку, перо, бумагу и чернила. Какъ честный человѣкъ, я во всю жизнь буду
 тебѣ благодаренъ.

Шутъ. Господинъ Мальволіо...

Мальволіо. Да, любезный шутъ.

Шутъ. Ахъ, сударь, какъ это вы лишились вашихъ пяти чувствъ?

Мальволіо. Шутъ! никогда и никого еще не обижали такъ жестоко. Я такъ же
 хорошо владѣю моими чувствами, какъ и ты, шутъ.

Шутъ. Только такъ? Такъ ты, право, не въ своемъ умѣ, если твои чувства не лучше моихъ, дурацкихъ.

Мальволіо. Они заперли меня здѣсь, держатъ въ потьмахъ, присылаютъ ко мнѣ поповъ, ословъ и всѣми средствами стараются лишить меня разсудка.

Шутъ. Подумайте, что вы говорите: патеръ, вѣдь, здѣсь. (*Перемѣнивъ голосъ*). «Мальволіо! Мальволіо! да возстановитъ Небо твой разсудокъ. Постарайся заснуть и перестань врать пустяки».

Мальволіо. Батюшка...

Шутъ. «Не заводи съ нимъ рѣчей, сынъ мой». – Кто? я, отецъ-Спиридонъ? Нѣтъ, ни за что! Господь съ вами! «Аминь». Да будетъ такъ.

Мальволіо. Дуракъ! дуракъ!

Шутъ. Что съ вами – успокойтесь! Меня бранятъ за то, что я съ вами разговариваю.

Мальволіо. Душенька-шутъ, достань мнѣ огня и бумаги. Увѣряю тебя, я не безумнѣе кого другого въ Иллиріи.

546

Шутъ. Если бъ это была правда, Господи!

Мальволіо. Какъ честный человекъ, это правда! Достань мнѣ, милый шутъ, чернила, свѣчу и бумаги и передай графинѣ, что я напишу: тебѣ дадутъ за это больше, чѣмъ когда-нибудь давали почтальону.

Шутъ. Достану, такъ и быть; но скажите мнѣ по правдѣ: вы точно сошли съ ума, или только такъ – притворяетесь?

Мальволіо. Повѣрь же, что нѣтъ: я говорю правду.

Шутъ. Помѣшанному я не повѣрю, не видѣвъ его мозга. Сейчасъ принесу вамъ свѣчу, бумагу и чернила.

Мальволіо. Шутъ, я щедро награжу тебя. Пожалуйста, иди. (*Шутъ уходитъ*).

СЦЕНА III.

Садъ Оливіи.

Входитъ Себастіанъ.

Себастіанъ.

Вотъ свѣтлый фебъ, вотъ воздухъ, вотъ земля,

Вотъ перстень, что она мнѣ подарила;

Онъ предо мной: я чувствую его,

Хотя я и опутанъ волшебствомъ.

Но это не безумство. Гдѣ Антонъ?

Я не нашелъ въ гостиницѣ его;

Но онъ былъ тамъ: хозяинъ мнѣ сказалъ,
Что въ городъ онъ пошелъ меня искать.
Теперь его совѣтъ мнѣ былъ бы дорогъ,
Какъ золото. Разсудокъ въ ссорѣ съ чувствомъ;
Хоть я и почитаю все ошибкой,
А не безумствомъ; но приливъ фортуны
Такъ безпримѣренъ, такъ непостижимъ,
Что я готовъ глазамъ своимъ не вѣрить.
Я долженъ спорить съ собственнымъ умомъ;
Онъ говоритъ, что кто-то здѣсь безумный.
Она – въ умѣ, и это ясно: какъ
Иначе управлять бы ей прислугой,
Давать приказы, принимать пословъ –
И все такъ тихо, твердо и умно?
Тутъ что-то есть – обманъ. Но вотъ она!

Входитъ Оливія съ священникомъ.

Оливія.

Прости мою поспѣшность! Если ты
Желаешь мнѣ добра – пойдемъ со мною:
Въ часовнѣ, что недалеко отсюда,
Ты передашь духовному отцу
Святую клятву вѣчнаго союза –
И успокоится въ моей груди
Отъ страха замирающее сердце.
Онъ въ тайнѣ сохранить нашъ бракъ,
Пока ты объявить его захочешь –
И свадьбу мы отпразднуемъ тогда
Прилично сану моему. Что скажешь?

Себастьянъ.

Я клятву вѣрности готовъ произнести
И вѣчно сохранять ее въ моей груди.

Оливія (*священнику*).

Веди же насъ, отецъ. Насъ Богъ благословитъ
И благодать его союзъ нашъ осѣнитъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Улица передъ домомъ Оливіи.

Входятъ Шутъ и Фабіанъ.

Фабіанъ. Если ты меня любишь, покажи мнѣ письмо его.

Шутъ. Любезный Фабіанъ, сдѣлай мнѣ за то другое одолженіе.

Фабіанъ. Все, что ты хочешь.

Шутъ. Не требуй этого письма.

Фабіанъ. То есть ты даришь мнѣ собаку и въ награду требуешь ее назадъ.

Входятъ герцогъ, Віола, Куріо и свита.

Герцогъ. Вы люди графини Оливіи?

Шутъ. Точно такъ: мы часть ея домашняго обихода.

Герцогъ. Тебя-то я хорошо знаю. Каково поживаешь, молодецъ?

Шутъ. По правдѣ сказать, съ врагами лучше, чѣмъ съ друзьями.

Герцогъ. Нѣтъ, съ друзьями лучше.

Шутъ. Нѣтъ, государь, хуже.

Герцогъ. Какъ же это?

Шутъ. Да вотъ какъ: друзья хвалятъ меня и дѣлаютъ изъ меня осла, а враги прямо говорятъ мнѣ, что я осель. Слѣдственно, съ врагами я научаюсь самопознанію, а друзья меня надуваютъ. Итакъ, если умозаключенія похожи на поцѣлуи и если четыре отрицанія составляютъ два утвержденія, то чѣмъ больше друзей, тѣмъ хуже, чѣмъ больше враговъ, тѣмъ лучше.

Герцогъ. Хорошо! прекрасно!

Шутъ. Нѣтъ, государь, право, нѣтъ, хоть вамъ и угодно быть однимъ изъ моихъ друзей.

Герцогъ. Отъ моей дружбы тебѣ хуже не будетъ: вотъ тебѣ червонецъ.

Шутъ. Если бы это не значило повторять дважды тоже самое сэръ, такъ не мѣшало бы удвоить.

Герцогъ. О, ты даешь мнѣ худой совѣтъ!

Шутъ. На этотъ разъ опустите, государь, вашу щедрость въ карманъ – и да повинуются ей ваша кровь и тѣло!

Герцогъ. Такъ и быть, согрѣшу вдвойнѣ.

Шутъ. *Primo, secundo, tertio* – и тогда будетъ ладно. Старая пословица говоритъ: безъ троицы домъ не строится; такъ въ три четверти – веселый тактъ; колоколь, созывающій на молитву, можетъ васъ убѣдить въ томъ: онъ всегда звонитъ – динь! динь! динь!

Герцогъ. Этой шуткой ты не выманишь больше денегъ изъ моего кармана. Если тебѣ угодно доложить графинѣ, что я желаю съ ней говорить и проводишь ее сюда, такъ это вѣрнѣ пробудитъ мою щедрость.

Шутъ. Пусть же почиваетъ, пока я ворочусь. Я иду, государь. Однако вы не должны думать, что моя любовь къ золоту есть сребролюбіе. Щедрость ваша пусть немного вздремнетъ – и я ее разбужу. (*Уходитъ*).

Входятъ Антоніо и полицейскіе.

Віола.

Вотъ, государь, спаситель мой идетъ.

Герцогъ.

Его лицо знакомо мнѣ, хотя
Въ послѣдній разъ я видѣлъ его чернымъ,
Запачканнымъ въ дыму, какъ у Вулкана.
Онъ былъ начальникомъ на плоскодонномъ
Ничтожномъ кораблѣ и такъ жестоко,
Такъ разрушительно схватился съ лучшей,
Сильнѣйшей частью флота моего,
Что даже зависть и языкъ утраты
Ему и честь, и славу отдавали.
Въ чемъ дѣло?

1-ый полицейскій.

Государь, вотъ тотъ Антоньо,

Который Феникса, съ богатымъ грузомъ
Къ намъ плывшаго изъ Кандіи, схватилъ.
Вотъ тотъ, который полонилъ Орла,
При чемъ погибъ вашъ молодой племянникъ.
Сейчасъ его на дерзкомъ поединкѣ
Мы здѣсь въ одной изъ улицъ захватили.

Віола.

Онъ шпагу мнѣ въ защиту обнажилъ,
Но подъ конецъ заговорилъ такъ странно,
Что всѣ слова его за бредъ я счелъ.

Герцогъ.

Ославленный пиратъ, воръ океана,
Что за безумная отвага предала
Тебя во власть людей, которыхъ кровью
Къ себѣ вражду навѣкъ запечатлѣлъ?

Антоніо.

Орсино, благородный государь,
Позвольте сбросить эти имена:
Антоніо не воръ и не пиратъ,
Хотя и былъ врагомъ твоимъ суровымъ.
Сюда меня волшебство завлекло,
При чемъ изъ грозной пасти злого моря
Я юношу безчувственного спасъ.
Вотъ онъ! Онъ былъ уже добычей смерти;
Но жизнь ему я смѣло подарилъ,
А съ ней и страсть безъ мѣры и границы,
Со всей ея горячей полнотой.
Я для него, мнѣ милаго, рѣшился
Вступить сюда, въ враждебный этотъ городъ,
И за него же шпагу обнажилъ.
Когда жъ меня схватили, онъ, презрѣнный,
Не захотѣвъ со мною раздѣлить
Моей бѣды, отрекся отъ меня.
Тогда онъ тотчасъ сталъ мнѣ вовсе чуждъ,
Какъ вещь, погибшая въ волнахъ морскихъ.
Онъ отказалъ мнѣ въ кошелькѣ моемъ,
Что я вручилъ ему за полчаса.

Виола.

Но какъ могло случиться это все?

Герцогъ.

Когда же къ намъ онъ въ городъ возвратился?

549

Антоніо.

Сегодня утромъ, славный государь,
Три мѣсяца мы были неразлучны,
Не разставались ни на полминуты,
Ни днемъ, ни ночью.

Входитъ Оливія со свитой.

Герцогъ.

Вотъ идетъ графиня!

На землю къ намъ спустились небеса!
Ты говоришь, какъ сумасшедшій: онъ
Три мѣсяца ужъ служитъ у меня.
Но мы поговоримъ объ этомъ послѣ.
Теперь же съ нимъ посторонись скорѣй.

Оливія.

Что вамъ угодно, славный государь?
Оливія готова вамъ служить
Во всемъ и всѣмъ, съ однимъ лишь исключеньемъ.
Цезарію, ты слова не сдержалъ.
Ну, что сказать въ отвѣтъ на это можешь?

Віола.

Мой повелитель хочетъ говорить –
И я молчу.

Оливія.

Когда запѣть хотите

На старый ладъ, то я отвѣчу вамъ,
Что это слуху моему противно,
Какъ послѣ звуковъ музыки – вытѣе.

Герцогъ.

Попрежнему жестока.

Оливія.

Постоянна

Попрежнему.

Герцогъ.

Въ жестокости? Увы,

Неумолимая красавица, на твой
Алтарь неблагодарный приносилъ я
Души моей священнѣйшія жертвы –
И все напрасно? Что же дѣлать мнѣ?

Оливія.

Что вы почтете болѣе приличнымъ.

Герцогъ.

Такъ почему жъ бы мнѣ не умертвить
Того, что для меня всего милѣе,
Какъ египтянинъ тотъ, который въ часъ
Кончины злой убилъ свою подругу?
И развѣ необузданная ревность
Не на границѣ благородства? Слушай:
Ты вѣрностью моей не дорожишь,
А тотъ, кто вытѣснилъ меня изъ сердца
И изъ любви твоей – того я знаю.
Ты, непреклонная, ты будешь жить,
Но этого любимца твоего –

Котораго и я люблю не меньше –
Его я оторву отъ гордыхъ взоровъ,
Гдѣ, государю своему на зло,
Онъ царствуетъ! Цезаріо, пойдѣмъ!
До зла моя рѣшительность дозрѣла:
Я умерщвлю любимаго ягненка,
Чтобъ растерзать въ голубкѣ сердце злое.

Віола.

Я тысячу смертей готовъ принять,
Чтобъ вамъ покой и утѣшенъе дать.

Оливія.

Цезаріо, куда?

Віола.

За государемъ,

Котораго люблю, какъ свѣтъ очей,
Какъ жизнь, какъ счастье души моей –
Люблю такъ страстно, горячо и сильно,
Какъ женщину мнѣ не любить. Всесильный,

550

Когда я лгу, права святой любви
Ты смертью отомсти въ моей крови!

Оливія.

О, я несчастная, онъ обманулъ меня!

Віола.

Кто обманулъ васъ, кто васъ оскорбилъ?

Оливія.

Давно ли? Иль себя ты позабылъ?

Позвать священника! (*Слуга уходитъ*).

Герцогъ.

Пойдемъ! За мной!

Оливія.

Куда, супругъ – Цезаріо мой милый?

Герцогъ.

Супругъ?

Оливія.

Супругъ! Ты можешь-ли отречься?

Герцогъ.

Ты мужъ ея?

Віола.

Нѣтъ, государь, не я.

Оливія.

О, это страхъ твой рабскій говоритъ!
Отъ собственности отказаться онъ
Тебѣ внушилъ! Цезаріо, не бойся –
Не отвергай фортуны! Будь открыто
Тѣмъ, чѣмъ ты сталъ, чего достигъ ты втайнѣ –
И ты великъ, какъ то, чего боишься.

Входитъ священникъ.

Оливія.

Добро пожаловать! Я заклинаю
Твоимъ священнымъ саномъ: объяви,
Что съ этимъ юношей я совершила
Въ твоёмъ присутствіи. Хотя недавно
Мы въ тайнѣ думали все сохранить,
Но случай все теперь разоблачаетъ.

Священникъ.

Союзъ любви вы предо мной свершили;
Онъ укрѣплень соединеньемъ рукъ,
Онъ утверждёнъ размѣномъ вашихъ колецъ,
Запечатлѣнъ священнымъ поцѣлуемъ;
Всѣ жъ брачные обряды скрѣплены
Моей рукой. И вотъ двумя часами
Съ тѣхъ поръ я ближе къ гробу моему.

Герцогъ.

Чѣмъ будешь ты, лукавое созданье,
Когда тебя покроетъ сѣдина?
Иль ты до старости не доживешь
И жертвой лжи губительной падешь?
Она твоя: ты можешь наслаждаться;
Но берегись, чтобъ намъ не повстрѣчаться!

Віола.

Клянусь вамъ, государь!

Герцогъ.

О, не клянись

И сохрани хоть каплю чести чистой
Среди избытка чувства своего!

Входитъ сэръ Андрей съ окровавленной головой.

Сэръ Андрей. Ради Господа-Бога, пошлите за цирюльникомъ! Ради всѣхъ
святыхъ, фельдшера сэру Тоби!

Оливія. Что такое?

Сэръ Андрей. Онъ проломилъ мнѣ голову, да и Тоби не даромъ обошлось. Ради Господа Бога, помогите! Ничего не пожалѣю, чтобъ быть только дома!

Оливія. Кто же это надѣлалъ, сэръ Андрей?

Сэръ Андрей. Придворный графа, какой-то Цезаріо. Мы думали, что онъ трусъ, а онъ вышелъ воплощенный дьяволъ.

Герцогъ. Мой пажъ, Цезаріо?

Сэръ Андрей. Окаянный! Вотъ онъ! Вы ни за что ни про что проломили мнѣ голову; а что я надѣлалъ, тому научилъ меня сэръ Тоби.

Віола.

Что нужно вамъ? Я васъ не трогалъ, сударь!

Вы сами шпагу первый обнажили,

А я вамъ ласковымъ отвѣтилъ словомъ.

Сэръ Андрей. Если пробитая голова называется раной, такъ вы меня поранили. Да вы, кажется, и дыру въ головѣ считаете ни во что?

Шутъ вводитъ пьянаго сэра Тоби.

Сэръ Андрей. Вотъ и сэръ Тоби прихрамываетъ; онъ вамъ еще кое-что поразскажетъ. Не хвати онъ лишняго, онъ бы заставилъ васъ иначе проплясать.

Герцогъ. Ну, Тоби, что съ вами?

Сэръ Тоби. Одинъ чортъ на дьяволѣ. Ранилъ – и баста! Болванъ, не видалъ ли ты Ваньку-цирюльника болвана?

Шутъ. Вотъ уже съ часъ, какъ онъ пьянъ, и глаза его закатились въ восемь часовъ утра.

Сэръ Тоби. Вотъ скотъ и мерзавецъ. Я ненавижу этого пьянаго скота.

Оливія. Уведите его. Кто это такъ ихъ отдѣлалъ?

551

Сэръ Андрей. Я помогу тебѣ, Тоби; пусть намъ обоимъ вмѣстѣ сдѣлаютъ перевязки.

Сэръ Тоби. Ты хочешь помогать? Ахъ, ты, осель, болванъ, дуракъ, ступа ты мѣдная!

Оливія. Уложите его въ постель, да перевяжите рану.

(Шутъ, Фабіанъ, сэръ Андрей и сэръ Тоби уходятъ).

Входитъ Себастіанъ.

Себастіанъ.

Мнѣ очень жаль, что вашего родного,

Графиня, ранилъ я. Но будь онъ братъ мой,

Я, ради безопасности моей,

Не могъ съ нимъ поступить иначе. Вижу

Изъ вашихъ глазъ, что вы оскорблены.

Простите же, прекрасная графиня,

Хоть ради клятвъ, что мы другъ другу дали.

Герцогъ.

Одно лицо, одна одежда, голосъ
И, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ двое! Точно тѣнь,
Которая и есть, и нѣтъ.

Себастіанъ.

Мой милый,

Мой дорогой Антонъ, какъ терзали
Меня часы съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались!

Антоніо.

Ты ль это другъ?

Себастіанъ.

Иль можешь сомнѣваться?

Антоніо.

Но какъ же ты надвое раздѣлился?
Вы, какъ двѣ капли, сходны межъ собой,
И кто жъ – Себастіанъ?

Оливія.

Непостижимо!

Себастіанъ.

Не я ли то? Я брата не имѣлъ
И нѣтъ во мнѣ божественной той силы,
Чтобъ вездѣсущимъ быть. Моя жъ сестра...
Ее валы морскіе поглотили.
(Віола). О, ради Бога, не родные ль мы?
Откуда вы? какъ звать васъ, мнѣ скажите?

Віола.

Моя отчизна островъ Метелинъ;
Отецъ мой назывался Себастьяномъ,
И былъ когда-то у меня такой же
И братъ Себастіанъ. Въ такой же точно
Одеждѣ онъ пошелъ на дно морское,
И если духи могутъ на землѣ
Присваивать лицо и одѣянье,
Такъ ты пришелъ насъ страхомъ поразить.

Себастіанъ.

Я точно духъ, но только облеченный
Какъ всѣ костями и мясомъ естества.
Будь женщиной – и на твои ланиты

Я пролилъ бы слезу, сказавъ: «Віола,
Погибшая, будь вновь моей сестрой!»

Віола.

У моего умершаго отца
Надъ правой бровью былъ рубецъ глубокій.

Себастіанъ.

И мой отецъ имѣлъ такой же знакъ.

Віола.

Онъ умеръ въ день рожденія Віолы,
Когда ей минуло тринадцать лѣтъ.

Себастіанъ.

О, этотъ часъ живетъ въ моей душѣ!
Да, смертное свое онъ кончилъ дѣло,
Когда сестрѣ тринадцать лѣтъ минуло.

Віола.

Итакъ, одно мужское одѣянье
Мѣшаетъ намъ быть счастливыми вновь?
Но ты меня не обнимай: сперва
Пусть время, обстоятельства и мѣсто
Докажутъ, что Віола предъ тобой.
Я къ капитану поведу тебя –
Онъ тутъ неподалеку; у него
Одежда женская сохранена,
И – имъ спасенная – я поступила
На службу благороднаго Орсино.
Все, что съ тѣхъ поръ со мной случилось здѣсь,
Относится къ графинѣ и къ Орсино.

Себастіанъ.

Такъ, стало-быть, графиня, вы ошиблись?
Но васъ не обманулъ природы голосъ:
Супругой дѣвушки вы захотѣли быть –
И, я клянусь, что вы не промахнулись:
Вашъ мужъ невиненъ, какъ его сестра.

Герцогъ.

Не изумляйтесь: кровь въ немъ благородна.
Когда все это правда, а не сонъ,
Такъ есть и моего частица счастья

Въ разбитомъ кораблѣ. (*Віоль.*) ты говорилъ
Не разъ, а тысячу, что не полюбишь
Такъ страстно женщину ты, какъ меня?

Віола.

И всѣ слова мои да будутъ клятвы,
И ихъ я твердо сохраню въ душѣ,

552

Какъ сводъ небесный звѣзды сохраняетъ
И солнце, и луну.

Герцогъ.

Подай же руку;

Дай въ женскомъ платьѣ на тебя взглянуть.

Віола.

Оно сохранено у капитана,
Который высадилъ меня на берегъ.
По жалобѣ Мальволіо, онъ взять
Подъ стражу.

Оливія.

Чтобъ сей же часъ, прошу

Ему была возвращена свобода!
Мальволіо пускай придетъ сюда.
Теперь я только вспомнила: бѣдняга,
Какъ говорятъ, совсѣмъ сошелъ съ ума.

Входятъ Шутъ съ письмомъ и Фабіанъ.

Оливія.

Но я сама была въ такомъ разстройствѣ,
Что о его безумствѣ позабыла.

Что съ нимъ, друзья? Скажите, что съ нимъ случилось?

Шутъ. Да что, графиня, онъ борется съ чортомъ, какъ только можетъ человѣкъ
въ его обстоятельствахъ. Вотъ онъ написалъ вамъ письмо, которое я долженъ былъ
отдать вамъ еще утромъ; но такъ какъ письма сумасшедшихъ не евангеліе, то все
равно, когда ихъ ни отдашь.

Оливія. Открой же его и прочти.

Шутъ. Поучайтесь же: дуракъ читаетъ посланіе сумасшедшаго! Ей-Богу,
графиня...

Оливія. Съ ума ты сошелъ?

Шутъ. Нѣтъ, графиня, я только передаю слова сумасшедшаго. Если вамъ угодно, чтобъ я читалъ съ чувствомъ, такъ вы не должны меня перебивать.

Оливія. Пожалуйста, читай съ толкомъ.

Шутъ. Я такъ и сдѣлаю, мадонна. Но чтобъ вычитать изъ него здравый смыслъ, такъ надо читать по моему. Внимайте же, моя принцесса.

Оливія. Фабіанъ, прочти ты.

Фабіанъ (*читаетъ*). «Ей-богу, графиня, вы меня обидѣли – и міръ объ этомъ узнаетъ. Хотя вы и заперли меня въ темную яму и поручили смотрѣть за мною вашему пьяному дядюшкѣ, но я такъ же въ умѣ, какъ и вы. Въ рукахъ моихъ ваше письмо, которое побудило меня вести себя такимъ образомъ, и я увѣренъ, что могу имъ себя оправдать, а васъ пристыдить. Думайте обо мнѣ, что угодно, на время я забываю должное почтеніе и говорю, какъ обиженный. Почитаемый за сумасшедшаго *Мальволио*».

Оливія. Это онъ писалъ?

Шутъ. Да, графиня.

Герцогъ. Это не похоже на сумасшествіе.

Оливія.

Верни ему свободу, Фабіанъ,
И приведи сюда къ намъ поскорѣе.
Когда угодно вамъ, мой государь,
Любитъ во мнѣ сестру, а не супругу,
Позвольте предложить, чтобъ день одинъ
Въ моемъ дворцѣ двѣ свадьбы увѣнчалъ.

Герцогъ.

Я принимаю ваше предложеніе.
(*Віоль.*) Твой государь даетъ тебѣ свободу.
За службу же тяжелую твою –
Тяжелую для робости жены,
Привыкшей къ попеченіямъ нѣжнѣйшимъ –
Прими мою ты руку и отнынѣ
Будь господина госпожею.

Оливія.

Да,

Ты мнѣ сестра!

Фабіанъ *возвращается съ Мальволио.*

Герцогъ.

Такъ это сумасшедшій?

Оливія.

Да, государь. Мальволио, что съ тобой?

Мальволио.

Графиня, вы обидѣли меня,
Обидѣли жестоко.

Оливія.

Я? нисколько!

Мальволио.

Графиня, да. Прочтите эти строки:
Вы не откажетесь отъ вашихъ словъ.
Пишите иначе, когда возможно,
Перемѣните слогъ и форму буквъ;
Скажите, что печать и эти мысли
Не вамъ принадлежать. Ихъ отрицать
Не въ состоянны вы! Итакъ, признайтесь,
Зачѣмъ такъ ясно высказали вы
Свою любовь и приказали мнѣ
Являться къ вамъ съ улыбкой неизмѣнной,
Съ подвязками, завязанными на-крестъ,
Обутымъ въ желтые чулки? Зачѣмъ
Вы приказали обращаться гордо
Съ прислугой, съ сѣромъ Тоби? И когда
Я все съ покорной выполнялъ надеждой,
Зачѣмъ велѣли вы меня схватить,

553

Замкнули въ тьму, прислали мнѣ попа
И сдѣлали шутомъ и дуракомъ
Глупѣйшимъ, надъ которымъ всѣ смѣялись?
Скажите мнѣ зачѣмъ?

Оливія.

Ахъ, мой любезный!

Вѣдь, это не моя рука, хоть точно
Съ моею очень сходна. Безъ сомнѣнья,
Письмо писала Марья. И теперь
Припоминаю я: она сказала
Мнѣ первая, что ты сошелъ съ ума;
Потомъ явился ты съ своей улыбкой,
Въ чулкахъ, расхваленныхъ въ твоёмъ письмѣ.
Но успокойся же; съ тобой сыграли
Презлую шутку, и когда откроемъ

Зачинщиковъ, въ своемъ же дѣлѣ
Ты будешь и судьей, и истцомъ.

Фабіанъ.

Графиня, часъ столь свѣтлый и благой,
Блестящій радостью, пусть не мрачатъ
Ни жалоба, ни будущая ссора.
Съ такимъ желаньемъ сознаюсь я смѣло,
Что выдумали это я и Тоби
Противъ Мальволио, чтобъ проучить
Его за грубость обращенья. Онъ
Намъ надоѣлъ. Письмо писала Марья
По настоянью сэра Тоби: онъ
Посватался на ней за то въ награду.
Но въ шуткѣ злой веселости такъ много,
Что, право, смѣхъ ей болѣе къ-лицу,
Чѣмъ мщенье; къ тому жъ и оскорбленій
Начтется поровну для каждой стороны.
Оливія. Бѣдняжка, какъ одурачили тебя!

Шутъ. Да: «одни родятся великими, другіе пріобрѣтаютъ величіе, а инымъ его бросаютъ». Игралъ я роль въ этой комедіи, милостивые государи, роль нѣкоего отца Спиридона. Да, впрочемъ, все-равно, «Ей-Богу, дуракъ, я не сумасшедшій!» Да, помните ли вы еще? «Я удивляюсь, ваше сіятельство, какъ

554

вы можете находить удовольствіе въ шуткахъ такого бездарнаго мерзавца: если вы не смѣтаете, такъ у него ротъ зашить». Такъ-то колесо времени приносить свое возмездіе.

Мальволио.

Я отомщу всей вашей шайкѣ! (*Уходитъ*).

Оливія.

Ахъ, какъ надъ нимъ жестоко насмѣялись!

Герцогъ.

Догнать его – уговорить на миръ:
Онъ долженъ разсказать о капитанѣ.
Когда узнаемъ все, для насъ наступитъ
Златое время сочетанья душъ
На брачномъ торжествѣ. А между тѣмъ
Я остаюсь у васъ въ гостяхъ, сестрица.
Цезаріо, пойдемъ! Ты будешь имъ,

Пока ты мужъ: перемѣни костюмъ –
И будь любви моей царица! (*Всѣ уходятъ*).
Шутъ. (*оставшись одинъ, поетъ*).
Какъ я еще мальчишкой былъ,
Ай люли! да! тра-ла-ла-ла!
Глупецъ глупцомъ все былъ да былъ,
А я все пѣлъ: ай тра-ла-ла!
Потомъ, когда я взрослымъ сталъ,
Ай люли! да! тра-ла-ла-ла!
Отъ вора дверь я запиралъ,
А самъ все пѣлъ: ай тра-ла-ла!
Когда же я, увы, женился,
Ай люли! да! тра-ла-ла-ла!
Я съ праздностью моей простился,
Но все же пѣлъ: ай тра-ла-ла!
И помню, разъ, когда напился,
Ай люли! да! тра-ла-ла-ла!
И въ грязной ямѣ очутился,
Не унывая пѣлъ: тра-ла!
Давно ужъ созданъ глупый свѣтъ,
Ай люли! да! тра-ла-ла-ла!
И я бы могъ еще пропѣть,
Да нѣтъ, ужъ спать пора.
(*Уходитъ*).

А. Кронебергъ.

⁵⁾ Riche his Farewelle to Military profession, conteining verie pleasaunt discourses fit for a peacable time.
Gathered together for the only deligh of the courteous Gentlwomen Lothe of England and Irelande.

Примѣчанія ко II-му тому.

Въ составленіи примѣчаній ко II-му тому приняли участіе Зин. Венгерова и С. А. Венгеровъ. Нѣкоторыя примѣчанія принадлежатъ переводчикамъ.

ДВѢНАДЦАТАЯ НОЧЬ ИЛИ КАКЪ ВАМЪ УГОДНО.

(Twelfth Night; or, What you Will).

Стр. 510. Оленемъ сталъ я, и, какъ злые псы
Меня съ тѣхъ поръ преслѣдуютъ желанья.

Намекъ на миѳъ объ Актеонѣ, о которомъ упоминается и въ «Виндз. Проказн.»
(Д. II, сц. 2).

Стр. 512.

Я буду нѣмъ: вы будете кастратомъ

Иль слѣпота меня да поразить.

Намекъ на гаремныхъ прислужниковъ — евнуховъ и нѣмыхъ и на обычай наказывать ихъ выкалываніемъ глазъ.

Стр. 514.

Или, можетъ быть, ты боишься, чтобы они не запылились, какъ картины м-ссъ Малль. Вѣрнѣе было бы: какъ портретъ м-ссы Малль.

Mistress Mall, въ дѣйствительности Mary Frith (прозванная Mall cutpurse: Маль — отбирающая кошелекъ) — знаменитая своей эксцентричностью куртизанка временъ Шекспира. Много намековъ на нее и ея образъ жизни встрѣчается у современныхъ Шекспиру сатириковъ и драматурговъ. Въ 1610 г. появилась книга подъ заглавіемъ: «The Madde Pranks of mery Mall of the Banckside, with his walkes in man's apparell and to what purpose, written by John Day». Въ 1611 г. она выведена была на сценѣ въ пьесѣ Миддлтона и Деккера, «The Roaring Girl or Mall Cutpurse». На заглавномъ листѣ напечатанной пьесы Mall была изображена въ мужскомъ платьѣ и курящей табакъ. Въ томъ же году она приговорена была къ публичному принесенію покаянія и во время этой церемоніи горько плакала — не изъ раскаянія, а потому что была совсѣмъ пьяна. Она умерла въ 1659 г. и завещала двадцать ф. ст. на то, чтобы въ день возвращенія короля Карла II на Флитской улицѣ изъ фонтана вмѣсто воды текло вино. Портретъ этой знаменитой женщины завѣшивался — подъ предлогомъ предохраненія отъ пыли, но въ дѣйствительности оттого, что оригиналъ пользовался очень дурной славой.

Стр. 516. ...ибо что говоритъ Квинапалъ.

Шутъ выдумываетъ не существующаго древняго философа, которому и приписываетъ свое изреченіе.

Стр. 516.

Ciculus non facit monachum: клобукъ не дѣлаетъ монахомъ.

Стр. 517.

...у котораго очень слабая pia mater.

Pia mater — мозговая оболочка; Шекспиръ часто обозначаетъ этимъ словомъ мозгъ (въ «Бесплодныхъ усиліяхъ любви» (Д. II, сц. 2), въ «Троилъ и Крессидъ» (Д. II, сц. 1).

Стр. 518. Усмирите немного вашего великана,
принцесса.

572

Великаномъ Віола въ шутку называетъ маленькую ростомъ Марію за ея свирѣпый видъ. Нѣкоторые комментаторы (Johnson) видятъ въ этихъ словахъ намекъ на великановъ, составляющихъ почетную стражу принцессъ въ народныхъ сказкахъ.

Стр. 522.

A diluculo surgere — ты знаешь.

Латинская пословица *Diluculo surgere saluberrimum est* (раннее вставание очень полезно) взята Шекспиромъ изъ грамматики Lilly.

Стр. 523. *Видали вывъску трехъ дураковъ?*

Намекъ на трактирныя вывъски того времени съ изображеніемъ двухъ пирующихъ шутовъ или двухъ ословъ и съ надписью, въ которую включался и тотъ, кто будетъ смотреть на вывеску. Таковы надписи: «We three loggerheads be» (мы три болвана) или «We are three asses» (мы три осла).

Стр. 523.

*Какъ рассказывалъ о Пигрогромитусъ
и Ваніанахъ, что прошли за квебускую
линію.*

Всѣ эти названія выдуманы шутомъ такъ же, какъ до того (Д. I, сц. 5) онъ выдумалъ философа Квинапала.

Стр. 523.

*... который вытянулъ бы у ткача три
души.*

Объ особой музыкальности ткачей у Шекспира упоминается и въ другихъ пьесахъ («Генрихъ IV», I часть; д. II, сц. 5); «три души» комическое выраженіе для тройного, т. е. чрезвычайнаго восторга передъ хоромъ.

Стр. 524.

*Прощай, душа, твой другъ во путь идетъ.
«Farewell, dear heart, since J must needs be gone».*

Эта пѣсня, которую сэръ Тоби поетъ, чередуясь съ шутомъ, помѣщена подъ заглавіемъ *Corydon's Farewell to Phillis* въ извѣстномъ сборникѣ *Percy's Reliques of Ancient Poetry*.

Стр. 530.

*Вспомни, кто хвалилъ твои желтые чулки, кто желалъ тебя всегда видѣть съ на-
крестъ застегнутыми подвязками.*

Насмѣшка надъ модами щеголей времени Шекспира.

Стр. 531.

Каково поживаешь ты при барабанѣ?

Барабанъ былъ типичной принадлежностью придворныхъ и домашнихъ шутовъ во времена Шекспира.

Стр. 531. *Крессида была нищая.*

Намекъ на то, что Крессида была наказана за свое вероломство тѣмъ, что умерла въ нищетѣ. Такъ это рассказывается въ «*Testament of Creseid*» Чоусера.

Стр. 534.

По моему лучше ужъ быть пуританиномъ...
(Въ ориг.: *J had as lief be a Brownist*)

«Броунистами» назывались последователи Роберта Броуна, который въ 1580 г. отдѣлился отъ англійской церкви и основалъ пуританскую секту (члены ея впослѣдствіи называли себя «независимыми» — *Independents*). Ея послѣдователей преслѣдовали въ обществѣ насмѣшками; поэтому сэръ Андрей и говоритъ о «Броунистахъ» такъ презрительно.

Стр. 535.

Больше линій, чѣмъ на новой картѣ съ двумя Индіями.

Намекъ на вышедшую въ 1598 г. съ англійскимъ переводомъ карту путешествій Линшота; на ней впервые обозначены были острова остъ-индскаго архипелага. Карта была испещрена линіями для обозначенія направленій.

Стр. 535.

.... на листъ бумаги, будь онъ длиною въ простыню на кровать въ Уоръ.

Огромная кровать въ гостиницѣ въ городѣ Уоръ (Герфордширское графство) была всею извѣстной достопримѣчательностью въ Англіи. На ней могли помѣститься 24 человѣка. Объ этой диковинѣ, сооруженной чудакомъ трактирщикомъ, говорится также въ «Еписоупе» Бенъ-Джонсона.

Стр. 538.

..... важному человѣку не пристало играть съ сатаной въ бабки. (Въ оригиналѣ: To play of cherry-pit with Satan).

Cherry-pit — дѣтская игра, состоящая въ томъ? что бросаютъ вишневые косточки въ пробитыя въ доскѣ отверстія.

Стр. 539.

Онъ рыцарь, возведенный въ это достоинство прикосновеніемъ незазубреннаго меча на шитомъ коврѣ (Въ оригиналѣ: He is Knight, dubbed with unhatch'd rapier, and on carpet consideration).

«Carpet Knights» (ковровыми рыцарями) называли рыцарей, посвященныхъ въ это званіе не за храбрость въ бою, а за службу въ мирное время; посвященіе происходило тогда на коврѣ въ парадной залѣ королевскаго дворца. Къ такимъ рыцарямъ относились съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ.

Стр. 544.

Какъ съдовласый прагскій отшельникъ

....очень мудро сказалъ племянницѣ

царя Горбодука.

Шутъ выдумываетъ этого пражскаго отшельника, какъ онъ и до того выдумываетъ разныя имена и исторіи, и какъ онъ тутъ же приписываетъ древнему британскому королю Горбодуку (извѣстному публикѣ по драмѣ Саквиля и Нортонъ — «Горбодукъ») совершенно невѣдомую племянницу.

Стр. 544.

... больше, чѣмъ египтяне въ ихъ туманахъ.

Намекъ на одну изъ египетскихъ каръ.

Стр. 548.

Какъ египтянинъ тотъ, который въ часъ

Кончины злой убилъ свою подругу.

Египетскій разбойникъ Тіамисъ, преслѣдуемый врагами, убилъ свою возлюбленную въ пещерѣ, гдѣ онъ скрывалъ ее вмѣстѣ со всѣми своими сокровищами. Эту исторію Шекспиръ зналъ изъ Геліодора, изданнаго въ англійскомъ переводѣ Underdown'a въ 1587 г.

Стр. 554.

Какъ я еще мальчишкой былъ и т. д.

Эта пѣснь шута — такъ называемая «джига» (Jig) — пѣсня съ пляской. Шуты у Шекспира часто импровизируютъ такія полубезсмысленныя пѣсни и поютъ ихъ для увеселенія публики, сопровождая пѣніе прыжками и танцами.
